

ГЕОРГИЙ ЛОСЬЕВ

У ЧУЖИХ БЕРЕГОВ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Георгий Лосьев

У чужих берегов (сборник)

«ВЕЧЕ»

1964-1974

Лосьев Г. А.

У чужих берегов (сборник) / Г. А. Лосьев — «ВЕЧЕ»,
1964-1974 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7180-3

С появлением в советской стране твердой бумажной валюты, червонцев, возникло и то, что в 20-е годы прошлого столетия было принято называть «накипь нэпа». Первым советским детективам приходилось снимать эту «накипь» в неимоверно сложных условиях. О том, что собой представляла «накипь нэпа» и как с нею справлялись чекисты и работники уголовного розыска, рассказывается в этой книге.

ISBN 978-5-4484-7180-3

© Лосьев Г. А., 1964-1974

© ВЕЧЕ, 1964-1974

Содержание

Автор – читателю	6
Часть первая. рассказы народного следователя	8
«Пафос личности»	8
Народный следователь	28
Самоубийство Никодимова	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георгий Лосьев

У чужих берегов (сборник)

© Лосьев Г.А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Автор – читателю

Расскажу, как создавалась эта книга.

Детектив – слово английское, обозначает раскрытие и в русский лексикон вошло поздно, в конце девятнадцатого столетия.

Так стали, для благозвучия, именовать агентов полицейского сыска – филеров, сыщиков. Словечко привилось, живет и поныне.

Впервые я увидел детектива на обложке одного из тех пятикопеечных изданий, которыми кишела Россия в начале двадцатого века. Рокамболь, Фантомас, Ник Картер, Нат Пинкертон – все эти завораживающие имена так и пестрели в газетных витринах.

Будучи в гимназическом возрасте, еще не достигнув высот психологической криминалистики Достоевского, мы набрасывались на «пинкертонов» с первобытной читательской жадностью и лихо тратили на это чтиво пятаки, выдаваемые родителями на завтраки.

Детектив, которого я увидел на обложке, был заключен в кокетливый голубенький овал, но вид имел мужественный: лицо суровое, с обтянутыми скулами. В зубах детектив держал длинную английскую трубку с прямым мундштуком.

Это был Шерлок Холмс. Его выдумал волшебник Конан Дойль.

Сколько ни убеждал меня знакомый студент-первокурсник, что Шерлок Холмс – лицо нереальное, а воображаемое, я не хотел верить. Настолько здорово был придуман этот высокоодаренный, с долей английского скептицизма сыщик, что слова студента я счел кощунством.

Это произошло в 1915 году, в Тифлисе, а я – ровесник столетия.

Год спустя тот же студент в увеселительном саду «Муштаид» показал мне отлично выбритого и хорошо одетого подвижного толстячка с крохотным носиком.

– Запомни этого гнуса, – сказал студент. – Это сыщик. «Гороховое пальто». Ну, словом, детектив из сыскного отделения.

В том году я поступал в мореходное училище. Мне сшили черную тужурку с золочеными пуговицами и оякоренными наплечниками. Я мечтал о капитанском дипломе и на этом весьма шатком основании держался высокомерно.

Я ответил студенту:

– Хватит врать. Кто тебе поверит, что такая брюхатая мокрица – детектив?

Студент обиделся и сказал:

– Дурак!

На этом мы расстались навсегда.

А спустя два года именно тот тифлисский толстячок с носиком пуговкой выследил меня за расклейкой большевистских воззваний, приглашавших голосовать за список номер пять, и отвел в меньшевистскую контрразведку.

Это была моя вторая встреча с детективом...

Начинались штормовые годы революции и Гражданской войны.

Капитана дальнего плавания тогда из меня не получилось. Был я простой матрос, краснофлотец, с двумя книжечками в кармане бушлата – военморской и партийной.

После Гражданской я отдал якорь в Новониколаевске.

В 1924 году меня вызвали в губком, и заворотделом, тоже бывший матрос, заявил:

– Такое дело, братишка... Из органов Чека – ГПУ ты отзываешься. Пойдешь в угрозыск, инспектором ББ. Знаешь, что это такое?

Я не знал. И завог сам не знал.

– Ну в общем, прежнего ББ у них подшибли...

– Как это подшибли?

– А так. Навовсе. Скажу тебе по секрету: аппарат угро мы коммунизируем. Там у них слишком много этих... детективов.

– Ну а меня-то за что туда?

Заворг нахмурился.

– Пар будешь травить? Протест вынесешь?

– Да нет: велено – сделано...

И я сам стал детективом. Советским...

Все, рассказанное в этой книге, не выдуманно. Это не похождения Шерлока Холмса, а были 1924–1934 годов.

В стране был нэп. Современный молодой читатель знает о нэпе понаслышке, да еще по учебникам, по лекционным конспектам и кинофильмам, большей частью приключенческого характера и редко по-настоящему правдивым.

В учебниках написано, что нэп – новая экономическая политика, в 1921 году сменившая прямолинейные, откровенно винтовочные общественные отношения военного коммунизма, был призван стать фундаментом социалистической экономики.

Ленин в 1921 году говорил: «...пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым “хозяином”, исправным оптовым купцом, – иначе оно мелкокрестьянскую страну не может экономически поставить на ноги...»¹

Это была очень сложная штука – нэп. Время сосуществования капиталистических элементов с революционными кадрами, в руках которых находились административные высоты.

Нэп подсек в деревне политический бандитизм. Питательная среда бандитов – продразверстка была заменена продналогом. Но в городе вместе с оживлением частнокапиталистического предпринимательства оживилась и уголовщина, самая разномастная: от карманной кражи до хищений по службе, растрат и экономических диверсий.

С появлением в стране твердой бумажной валюты – червонцев обосновалось то самое, что у журналистов того времени было принято называть «накипь нэпа».

И нам, первым советским детективам, партия и государство поручили снимать эту «накипь» в самых сложных условиях сосуществования двух миров в одной стране.

О том, что собой представляла «накипь нэпа» и как мы с ней справлялись, и говорится в этой книге.

¹ В.И. Ленин. Собр. соч. Т. 33. С. 36., 1926.

Часть первая. рассказы народного следователя

«Пафос личности»

...Личность кричит потому, что, чувствуя, свою двуличность, хотела бы прикрыть криком этот порок...

М. Горький. О солитере

В субботний вечер, около одиннадцати, в квартире начальника активно-секретной части розыска Раскатова настойчиво зазвонил телефон. Это был громоздкий настенный аппарат «Эриксон», и, чтобы услышать абонента, приходилось крутить ручку, приделанную сбоку.

– В чем дело? – спросил Раскатов в трубку.

– Докладывает дежурный Юркевич. Вооруженный грабеж... До нитки... Полагаю, Николай Аркадьевич, что действовали двое, а то и больше, и даже с лошадю...

Должность, которую занимал Юркевич, называлась солидно: субинспектор, что было скопировано с французской полиции. Этому званию вовсе не соответствовало более чем скромное помещение дежурки, где Юркевич уже допрашивал потерпевших, когда туда прибыл Раскатов.

Потерпевшие – владелец конфетной фабрики Кошкин и его спутница, довольно милосердная женщина, – сидели на лавке в наброшенных на плечи казенных халатах, доставленных из каптерки.

– Так сколько же их было? – спрашивал Юркевич, кося глазом на мадам. – Двое или трое? Внешний вид можете описать?

– Ну что вы! – грустно улыбнулся Кошкин. – Попробуйте в таких обстоятельствах запомнить! Да и темно было... Уехали они в пролетке, было их, вероятно, трое, так как двое нас, извините, раздевали. Гм... А пролетка стояла за углом.

– Попрошу повторить все еще раз, поподробнее, – сказал Юркевич и поглядел в сторону начальника, усевшегося в уголок.

Кошкин вежливо наклонил голову.

– Пожалуйста!.. Мы возвращались из кинематографа и были уже буквально у ворот моего дома. Внезапно я почувствовал, что мне в затылок уперся какой-то холодный предмет и чей-то голос приказал: «Стоять на месте тихо!» Второй голос добавил: «Не оборачиваться. Раздевайтесь оба!» Тут моя э... э... спутница взмолилась. Тогда первый сказал: «Спокойно, мадам! Жизнь – единственная реальная ценность, врученная людям судьбою. И в то же время – грош ей цена. Зачем мне лишать личность жизни, этой грошовой ценности?..» Словом, целый философский трактат в двух словах.

– Да-да! – вмешалась спутница Кошкина, кокетливо оправляя халат. – Они вполне интеллигентны и даже обходительны. Особенно тот, высокий, что командовал, неправда ли, Ванюша?..

Кошкин кивнул.

– Ну, разумеется, – продолжала мадам, – мы сняли с себя все. Потом Иван Павлыч спрашивает: «Что же нам делать?» А высокий отвечает: «Можете повернуться». Тут мы смутно различили в проеме ворот две фигуры. Лица были, кажется, в масках...

Кошкин попросил закурить и, затянувшись, продолжил рассказ:

– Да-с... Раздели, свернули все в узел, и высокий э... э... заявляет: «Заходить домой запрещаю под страхом смерти. Идите в ГПУ или в угрозыск и там обо всем расскажите».

– И вот – мы здесь!.. – вздохнула мадам.

– А вообще должен сказать, – взорвался вдруг Кошкин, – черт знает что! Нельзя показаться на улице. «Шубсним» какой-то! Это так они себя называли. А вы, господа, не в силах оградить население от подобных эксцессов. Безобразие!..

– Господа в Черном море, – буркнул Юркевич.

Раскатов, сидевший все это время молча, поморщился и спросил будничным голосом:

– Что у вас взяли? Товарищ Юркевич, запишите в протокол!

– Ах, к чему это? – Кошкин безнадежно махнул рукой. – Суть не в том, что вы, может быть, и найдете наши вещи. А вот государство не может оградить нас от бандитов... Я буду писать в газету!..

При этих словах в дежурку вошел начальник угрозыска товарищ Кравчик. Был он плотен и низкоросл и в свои пятьдесят лет обладал хорошей зрительной памятью.

Всмотревшись в лицо потерпевшего, Кравчик спросил:

– Если не ошибаюсь – гражданин Кошкин? Павел Иванович? По делу о взятке Протопопову в прошлом году. Так?

– Гм... – Кошкин откашлялся, весь напрягся. – Иван Павлович. Но какое это имеет отношение...

– А вы, гражданка? – продолжал Кравчик. – Если мне не изменяет память, вы супруга гражданина Саббакина. Торговый дом «Саббакин и сын»... Знаю и вашего супруга. Весьма любопытная ситуация получается! Я бы сказал – эффектная. Вот бы опубликовать в газетке!..

– Хм... – снова прокашлялся Кошкин.

Дама наклонилась к нему и что-то прошептала в ухо.

– Не вздумайте и вправду давать газетчикам какие-либо информации, – обернулся начальник к дежурному и Раскатову.

Я направился в свою комнату и, проходя мимо Кошкина, услышал, как тот вполголоса сказал начальнику:

– Спасибо... Спасибо за ваше благородство. Извините меня, глупость спорол!

Допрос на этом был закончен. Дежурку заполнили вызванные оперативники и работники секретной части.

У подъезда спешивались всадники – милиционеры резерва. Я хотел кое-что припомнить, сопоставить с прошлогодним делом банды Уфимцева. Сегодняшнее происшествие больше всего касалось меня, так как я работал инспектором ББ, что означало: борьба с бандитизмом. И я погрузился в свои архивные записи... Внезапно брякнул телефон, и голос Раскатова произнес в трубку:

– Спустись-ка еще раз в дежурку. Второй случай.

Так и есть: в дежурке находилась еще одна полуодетая пара. И опять я выслушивал сбивчивый рассказ: было трое или двое; один очень высокий и все размахивал наганом, обещая даровать жизнь за пальто и штаны. К женщине он обращался изысканно вежливо: «Будьте добры, мадам, снимайте все! Зачем вам эта дребедень? Вещи угнетают человека, делают его скрюгой, неприятным для окружающих... Ступайте немедленно в угрозыск, не заходя домой!..»

Эту парочку – на сей раз супружескую – опросили и отправили на извозчике по месту жительства.

Так было всю ночь: в дежурку приходили раздетые люди.

Кончилось все так же внезапно, как и началось, – ровно в пять часов утра.

Мы были поражены.

– Двенадцать «раздевалок» за пять часов! Ты видел что-либо подобное? – спрашивал начальник Раскатова.

Нет, Николай Аркадьевич, работавший в угрозыске со дня его основания, никогда не видел ничего подобного.

– Правда, – отвечал он, – в двадцать втором, помню, было четыре вооруженных грабежа в одну ночь. Но тогда в городе три шайки действовали, каждая по-своему. А тут – один почерк...

– В том-то и дело, что один! – недовольно отозвался начрозыска. – Кому и на какой черт эта испанская коррида-бравата нужна?

– Знаете, Викентий Юзефович, я склоняюсь к следующему: хулиганство. Да-да, хулиганство, а не вооруженные «стопорки». Дилетанты, шутники-хулиганишки!..

– Хороши шуточки! – вскипел начальник. – Вот завтра в окружке мне пропишут ижицу за этот дилетантизм... Наши не все вернулись с облавы?

– Почти все.

– Ну и как?

– Секретчики в один голос говорят: никого приезжих, работающих «по громкой», в городе нет и не было. Банда Уфимцева, как вы сами знаете, почти полностью перебита в перестрелке еще в прошлом году...

– Тогда кто же, черт подери?..

Хотя местная газета и словом не обмолвилась о происшествии и несмотря на приказание начальника хранить тайну, все последующие три дня в городе только и разговоров было: «Вы слышали?» – «Даю слово: пятьдесят раздеваний за ночь!»

На четвертый день начальник вернулся после очередного доклада в окрисполкоме в совершеннейшем расстройстве.

– В кабинет! – подмигивал наш комендант Барановский, обходя комнаты. – Велено играть большой сбор.

– Свиреп?

– Лютует! Мне уже «отвесил» трое с исполнением...

Но вопреки ожиданиям начальник, собрав нас, сказал лишь с невыразимой скорбью:

– Если через неделю не будут опубликованы имена грабителей, дело у нас отберут и передадут чекистам. Вы понимаете, что это значит? Вотум политического недоверия! – вот что это такое. Прошу подумать. Назначаю открытое партсоборание!

На собрании мы долго и с усердием ругали друг дружку: «активники» – «секретчиков» и наоборот. А когда в окна уже сквозила ночная синь и все выдохлись, дежурный по розыску доставил пакет. Поверху было написано: «Срочное. Важное. Лично.»

Я видел, как начальник достал пенсне и стал читать, а затем грозно воззрился на дежурного:

– Кто принес?

– Не знаю, Викентий Юзефович. Я выходил в коридор к арестованным. Вернулся – на столе вот это...

– Постовой где был?

– Н... не знаю...

Начальник пробежал послание вторично и передал Раскатову.

– Читай вслух!

А сам закрыл глаза и так сидел, слегка вздрагивая, словно ехал в поезде.

*Прошлый раз я произвел эксперимент над дюжиной купчишек, и вы не сумели ни огр-
дить их, ни выявить меня, – читал Николай Аркадьевич то, что было напечатано на ста-
ринной пишущей машинке. – Сегодня ночью я намерен произвести еще один эксперимент. На
этот раз своим объектом я избрал десять экземпляров двуногих из породы совслужащих.*

*Я начну действовать в двенадцать ночи, а кончу снова в пять утра. Попробуйте мне
помешать – это было бы забавно!..*

Тут Николай Аркадьевич остановился и тихо, как бы про себя, выругался.

– Читай, читай! – буркнул начальник.

...Не занимайтесь дактилоскопией. Мы работаем в резиновых перчатках, и письмо написано тоже в перчатках. Вас, конечно, интересует, какие мотивы заложены в основе моих «преступлений». Смею заверить: не корысть. Позже я докажу это, сейчас же скажу лишь: я решаю вопрос – Личность или коллектив? Общество или Я? И я намерен доказать, что самый вооруженный, самый толковый коллектив бессилен против высокоорганизованной Личности. В вашем городе я со своими подручными намерен произвести три эксперимента. После этого я уеду и где-либо напишу книжку и издам ее за свой счет. Я не граф Монте-Кристо, но все же, по-современному, очень богат.

Под письмом стояла подпись: «Личность», а еще ниже:

Не тратьте времени на поиски машинки. Она из другого города и здесь абсолютно неизвестна.

– Вызов. Перчатку бросил! – подвел итог Раскатов.

Ребята зашумели:

– Расстрелять!

– Контра!

По улицам города мчались конники-милиционеры и группа бойцов кавэскадрона, расквартированного здесь.

Вновь затрещали двери «малин» и «хаз». Прохожих сопровождали по месту жительства военные и милицейские патрули. И тем не менее...

То и дело в нашей дежурке появлялись ограбленные. Все было, как и в первую ночь. Только теперь грабители, по словам потерпевших, приказывали мужчинам снимать брюки, а женщинам – нижнее белье.

И ничего мы не могли поделать с этой неуловимой «Личностью». Ничего!

Вечером опять получили письмо, но уже по почте, отстуканное все на той же машинке – с ятями и ижицами: «Все снятые вещи находятся в старых кирпичных сараях, за городом, на Первой Ельцовке. Пошлите подводу и поднимите слуги с кирпичной ямы второго сарая. Еще раз предупреждаю: дактилоскопией не увлекайтесь – работаем в перчатках. Личность».

– Бессмыслица! – докладывал Раскатов в окрисполкоме. – Все вещи действительно оказались там, в сарае, за городом! Грабежи, лишённые всякой логики! Преступление без смысла!..

– Не скажи, голова! – отвечал председатель исполкома. – В этой бессмыслице, как ты говоришь, заложен глубокий смысл: власть беспомощна. Дескать, я, Икс, – хозяин вашей судьбы. Хочу – казнь, хочу – милую. А милиция мне – тьфу!.. Тут, брат, политика. Глубокая политика! По сути, надо дознание в ГПУ отдать. Подождём ещё три дня. Но ваших всех предупреди: неомощные нам не нужны. В день передачи дела чекистам назначим комиссию по проверке вашего учреждения. И тогда не взыщите, голубчики!..

Позже мы поняли, почему не могли в два-три дня нащупать странных бандитов, почему всеведущая и всевидящая секретная часть угрозыска не смогла их обнаружить.

Дело в том, что розыски велись в обычной преступной среде. Раскатов и начальник секретной части Подкопаев, с самого начала предполагавшие, что тут действуют дилетанты, все же так и не могли оторваться от блатного мира: они искали там, так сказать, рефлексивно. Дей-

ствия грабительской тройки были столь нелепы, что мы никак не могли поверить в ее принципиальное бескорыстие.

На рассвете четвертого дня, когда все «хазы» были уже до дна проверены и наши оперативники ходили с воспаленными от недосыпания глазами, постовой милиционер Воробьев, охранявший порядок на скрещении двух не очень людных улиц, увидел лошадь, впряженную в пролетку без номера. Седоков не было.

Милиционер Воробьев сказал: «Тпру-у!» – и, привязав лошадь к фонарному столбу, направился в аптеку, чтобы позвонить оттуда.

Вскоре упряжку тщательно исследовали. Обнаружили под козлами прошлогодний извозчикский номер-жестянку, а в щели между подушками – боевой патрон от нагана.

К семи часам утра мы уже знали адрес извозчика Ермолаева, а в семь пятнадцать его дом заполнили оперативники.

– Моя пролетка, – признал Ермолаев. – И конишка мой, то ись бывшее мое обзаведение. Я это хозяйство с месяц тому загнал. Продал то ись.

– Кому? Кто купил?

– Купил-то?.. А хрен его знат, кто таков! Пристал на базаре: продай да продай... Из себя высокий, гривастый, вроде дьякон с Турухановской церкви. А матершинник – не приведи господи, и огромный богач. Антиракуетесь, где живет-то? Ну-к, чо ж, могу и показать.

Ермолаев привез нас к новенькому пятистенному дому в самом конце длиннейшей улицы. Ворота были настежь, и столь же гостеприимно была распахнута дверь во внутренние покои.

В скромно обставленной комнате, куда мы попали, на голом топчане спал... голый человек. Абсолютно! «Высокий и гривастый», как и говорил Ермолаев.

Человек пьяненько ухмыльнулся, увидев перед собой дуло нагана.

– Не щекотите мне нервы, Холмсы и Пинкертон! Ужасно боюсь щекотки. Вложите мечи в ножны... По натуре я весьма миролюбив и не намерен портить отношений. Признаю себя побежденным. Мои шпалеры в чемодане, а шпаги, к сожалению, не имею.

Агент опергруппы рванул к себе чемодан, стоявший под топчаном, откинул крышку. Чемодан был до половины набит пачками червонцев, поверх которых лежали два нагана и кольт. Револьверы оказались незаряженными, но патроны лежали тут же, в замшевом мешочке.

Натягивая брюки, гривастый заинтересованно спросил:

– Каким образом?

Вопрос был явно адресован Подкопаеву. И он ответил, как отвечал бандитам обычно:

– Руки за голову, на затылок!

– Фи! – укоризненно покачал головой гривастый. – Надо же делать разницу между вульгарным разбоем и состязанием двух систем антиподов.

В этот момент вошел и Раскатов. Ухватив последние слова, он вдруг заговорил с хозяином комнаты по-французски. Но тот развел руками:

– Извините, не умудрен...

– Я был в этом уверен, – брезгливо проговорил Николай Аркадьевич. – Вершки, не больше! Вышелушенная сосновая шишка!

– Мерси! – наклонил голову арестованный. – Разрешите отбыть вместе с вами? В вашем обществе я бы чувствовал себя несколько удобнее, нежели с этими... парнокопытными.

– Осторожно, Личность! – хмуро предупредил Раскатов. – Наши ребята в таком восторге от вас, что могут невзначай... Вас из какого класса вышибли? – неожиданно спросил он.

– Студент второго курса, с вашего позволения.

– Ну, ладно, шагай, гнус! – негромко, но с чувством скомандовал комендант Барановский. – Дашь драпа – шлепну!

Арестованный тряхнул лохматой шевелюрой.

– В твоём воспитании, человекообразный, были существенные пробелы. – И, сильно прихрамывая, потащился к пролетке, в которой приехал Раскатов.

Тут же Личность сообщила и адреса двух своих сообщников.

Мы взяли их на квартирах, пьяненьких.

– Надеюсь, шумового оформления не было? – спросил лохматый уже в угрозыске. – Терпеть не могу такого в спектаклях: это безвкусица.

Начался допрос. К тому времени Личность окончательно протрезвела и отвечала сжато и точно:

– Констанов. Евгений Михайлович. Тридцать шесть лет. Из мещан древнего града Таганрога. Атеист. Член Всероссийской партии анархистов-максималистов.

– А разве есть такая? – спросили его.

– Была. Федерация «Набат».

Мне показалось странным, что Раскатов не проявил интереса к таким любопытным деталям. Он лишь спросил:

– Намерены говорить откровенно? По душам?

Констанов вздохнул.

– В трезвом виде по душам – не могу. Совершенно не способен к душевным беседам без жидкого топлива. А откровенен буду. Это входит в мою программу.

– Хорошо. В таком случае начнем с истоков – с вашего появления в городе...

За полгода до описываемых событий путейский рабочий Евстигнеев, проживающий в Новониколаевске, решил перебраться в Среднюю Азию на железнодорожную новостройку. Он списался с кем надо, выслал документы. Вскоре получил согласие и денежный аванс.

Воротясь с почты, Евстигнеев подобрал во дворе дощечку-клепку от разбитого бочонка и вывел, на ней вкривь и вкось химическими чернилами:

Продается по случаю отъезда

Прибил дощечку на углу своей развалюхи и стал ждать покупателя.

Жене своей сказал:

– Бог даст, на неделе загоним барачишко и махнем искать новой доли. Лишь бы не продешевить!..

– Ох, как-то оно выйдет, Петенька! – отвечала супруга. – Живем на отшибе, от центру-то, не ближний свет, кто сюда захочет?

Барак действительно стоял на отшибе, на самой окраине города, и реальных надежд запустить покупателя было немного. Евстигнеев втайне и сам думал, что придется уезжать ни с чем, и собирался все заботы по продаже владения поручить соседям. Однако он догадался дать публикацию в газете, и покупатель явился.

Прибыл он в пролетке и вошел, не постучав, – высокий и сутуловатый, патлатый, с худющим лицом, на котором застыло выражение брезгливой злости.

Не здороваясь, окинул жильё беглым, но цепким взглядом, носком ботинка пододвинул к себе табурет. Закурил.

– Следовательно, уезжаешь, пролетарий?

– Еду, – отозвался Евстигнеев. – На новостройку, в Ташкент, стал быть.

– А деньги получил?

– Аванец... – Евстигнеев взглянул на гостя с некоторой опаской. – Сдал в сберкасса, хе-хе! Так-то оно вернее.

Патлатый усмехнулся, и без того злобное его лицо покривилось.

– Не бойся, пролетарий! Еще не запродам домик? Впрочем, кому такое гнилье нужно... Ну а вот я возьму! Барак снесу. К чертовой матери! И построю новый дом... А вот участок у тебя основательный. Мне участок требуется...

– Не садик ли разводить? – с интересом спросил Евстигнеев. – Участочек и вправду подходящий. А какой фрукт полагаете выращивать?

– Огурцы! – буркнул патлатый. – Огурцы и... бурундуков!

Евстигнеев хихикнул в кулак.

– Веселый вы человек, однако. Выдумаете же!

– И еще буду ананасы выращивать. И плоды дерева манго. Видал ананасы? Их, стервецов, в шампанском жрут. Король поэтов Игорь Северянин советовал: «Удивительно вкусно, искристо и остро...» Не знаком с Северяниным? Напрасно! А я вот был знаком... Ну, сколько же ты хочешь за свой землескреб? – перешел он снова на деловую почву.

Евстигнеев внимательно оглядел гостя, задержал взор на его обшарпанных штанах и на огромных, сбитых ботинках.

– Дак... Оно, как сказать... – ответил он неуверенно. – Владение, само собой, не то штобы... Однако вопче...

– Сколько, спрашиваю?

– Да ить не наживать же. Ну... три сотни, и вся тут. Извольте осмотреть снаружи?

– Не изволю! – поморщился патлатый. – Не надо. Значит, три сотни? Покупаю!

Из внутреннего кармана пиджака он вытянул толстую пачку червонцев, не спеша отсчитал тридцать бумажек и, развернув их веером, как бы в преферансе, бросил на стол. Евстигнеев тихо ахнул.

– Считай.

Тут Евстигнеев изумился до невозможности. Все шло как-то наизнанку, навыворот, против общепринятых деловых норм.

Разве люди так быстро расстаются с трудовыми деньгами?

Евстигнеев взял со стола одну бумажку, поднес к свету, различил водяной знак. Все натурально.

– Что ж считать? – сказал он, снова положив кредитку. – Видать, человек вы обстоятельный...

– Считай! – с внезапной злобой выкрикнул странный покупатель.

Дрожащими пальцами Евстигнеев быстро пересчитал деньги и спрятал.

– Купчую-то будем делать? Может, так, без нотариуса? Напишу расписку – и вся недолга?

– Иди ты с расписками!.. – рявкнул лохмач. – Привыкли, дьяволы: без бумажки ни шагу. – Он показал Евстигнееву кукиш. – А вот этого не хочешь? Ты, пролетарий, смывайся отсюда. Сейчас же! Понял? Чтоб и духом твоим здесь не воняло! Вязи узлы!

– Ну, это уж тово... Куды ты меня, на ночь глядя, гонишь? Да ведь и собраты надоть: одежда, обувка, постеля. Завтра – с нашим удовольствием!..

– Я тебе по-русски говорю: уматывай немедленно! Ты свое первородство собственника продал за мою чечевичную похлебку? Продал. Ну и пожинай плоды своего безрассудства! Впрочем, вот что: сколько тебе за все твои столы, чашки, плоски-поварешки?

Евстигнеев совсем опешил и взглянул на жену.

– Вот и не знаю, как и сказать, дорогой товарищ. Конечно, наше добро не князево, а все ж денежки плачены. Тут подсчитать надоть.

– Подсчитывай! Даю времени полчаса.

Жена Евстигнеева, до того молча наблюдавшая за сделкой, всхлипнула.

– Вы, товарищ приезжий, уж не обессудьте глупую бабу! Жаль нам, поди, – сколь трудов положено...

И тотчас взяла другой тон:

– А как думаете куплять? И со скатерками, занавесками? У нас в кладовке еще тулуп овчинный да две шубейки...

– Стоп! – зыкнул покупатель. – Не тяни, баба!

Евстигнеева снова всхлипнула, но тут же утерлась подолом и, устремив на лохмача совершенно сухие глаза, выпалила:

– В таком разе и в две сотельных не уложишься. Вот что я вам скажу: вещи наши по-честному нажиты и первого сорту. Две с половиной заплатишь?

– Эк тебя раздирает, пролетарочка! – усмехнулся лохмач. – А ты мне нравишься, бабенция! Что ж, быть по-твоему.

И он отсчитал двадцать пять бумажек.

– Бери! Ты отлично оправдываешь мою теорию о людях. И у нас могло бы возникнуть родство душ, если бы... Если бы ты была менее омерзительна. Ну, хотя бы на полтинник!.. Ну, а теперь, парнокопытные, вот что: у ворот меня извозчик дожидается, скажите ему, чтобы нес сюда вещи. А вы – сматывайте манатки!

– Дык вить продали мы... – недоуменно заморгал Евстигнеев.

– Все, что хотите, можете взять с собой. Давай сюда возницу!

Через несколько минут вошел рыжебородый мужик и поставил посреди комнаты два тяжелых чемодана старого фасона – с мягким верхом и множеством ремней.

– Ты, борода, отвези этих двуногих в мои мебелишки и прихвати, что укажут. Сколько я должен?

– Семь гривен.

– Вот тебе, борода, два целковых! Это и за двуногих, которых повезешь.

– Премного благодарствую! Однако накинуть не мешало бы: двое пассажиров, и сундук вон напихивают, – тяжесть...

– Держи еще целковый!

– Вот таперича так. Очень вами довольны. Жить да поживать на новой фатере!

Возница взвалил на загорбок сундук и направился было к выходу, но лохмач окликнул:

– Стой!

Подошел к вознице и вдруг трижды крепко дернул его за огненную бороду.

– Теперь ступай, сволочь рыжая!..

В дороге возница поинтересовался:

– Сходно продали фатеру-то?

– Продать-то продали, да кому?.. – мрачно ответил Евстигнеев. – По волосьям вроде – поп, по хватке – бандист. А ежели по доброте... не пойму, что за человек!

При этих словах возница полуобернулся и сказал с некоторой даже гордостью:

– Ну, я его сразу распознал. Как со штепенковских номерей выехали. «В Бога, спрашивает, веришь?» Нет, говорю, не верую. «А в кого, кричит, ты, сатана, веруешь? Может, во всемирный коммунизм?» И давай он меня материть! «Свобода духу нужна!» – грит он. Да вот меня за бороду-то и дернул. Купец! Как есть, купец старого режима...

С колокольни ударили в малые: к вечерне.

Жена Евстигнеева перекрестилась и тихонько заплакала.

Новый хозяин евстигнеевского барака долго и угрюмо сидел за столом, впериw взгляд в стену, где висело старенькое зеркальце с отбитым уголком. Когда за окнами спустилась ночная синь, встряхнул лохмами, достал из чемодана четвертную бутылку, шпроты и черствую булку.

Налив полный стакан водки, выпил в два приема, не закусывая. Несколько минуток сидел с блаженной улыбкой на губах. Потом налил еще с полстакана и осушил его медленными глотками, морщась достал из кармана крохотную серебряную ложечку и подковырнул ею шпротинку. Потянулся было к бутылке, но, спохватившись, отдернул руку.

– Что ж, – сказал он в пространство, – побеседуем, Евгений Михайлович! На чем мы остановились там, в вагоне?.. Ах, да: «Метаморфозы» Овидия. Тэк-с!.. Метаморфоза первая: нигилист и сверхчеловек становится домовладельцем и... обывателем... А тут, вероятно, кло-

пов до черта. Клопы!.. Спутники человека. А? Человек? Это звучит гордо. Это Горький выразился, угу! «Гордо!..» Нет, человек – это звучит подло. «Человек из ресторана», «Человек, пару пива!..».

Философ посмотрел в черный провал окна.

– Люблю тебя, ночь! – продекламировал он даже с некоторым чувством. – Красавица целомудренная, ночь!.. А вот поговорить и не с кем...

Он снял со стены зеркало и поставил на столе, рядом с бутылкой.

– Черт его знает, что бы такое устроить... Эврика! Слушай: главное отличие двуногих от прочего скота – в чем? В осмысленности. И попробуй только заспорить. Именно – в осмысленности!..

Утром следующего дня сосед, плотник Безбородов, обеспокоенный настежь открытыми дверями и окнами, заглянул в комнату. Домовладелец лежал голый на голых досках: постель была сложена в огромный узел.

Констанов лежал спиной к дверям. Не оборачиваясь, глухо спросил:

– Какого хрена?..

Безбородов опешил.

– Шел я... Вижу, расперто все. Сказывали – новый хозяин въехал. Думаю: зайду, проведаю, може, что и понадобится, по-соседски.

– Ты кто?

– Плотники мы. Рядом проживаю.

– Плотник? – оживился философ. – Есть дело. – Вскочил, подошел к столу, твердой рукой налил в стакан водки.

– Подойди, двуногий, пей!..

Безбородов, смущенный необычным видом хозяина, стыдливо отказался.

– Пей! – рявкнул тот. – Пей, а то бутылкой по башке тресну!

– Ну, зачем же? Мы всегда можем, ежели, к примеру, такой случай произошел, чтобы компанию разделить...

И не без удовольствия осушил стакан. Констанов влил в себя водку одним глотком и тотчас налил по второму.

– Лакай, животное!

– Пошто обзываешь? – обиделся Безбородов. – Не буду пить...

И направился к выходу. Но философ загородил ему дорогу.

– Да постой ты!.. Подумаешь, обиделся! Подожди, я штаны надену, и ты объясни мне причины своей обиды. Кто ты есть? Стадное парнокопытное. Ну и черт с тобой! А может, выпьешь еще?

– Нет. Вечером ежели... тогда, конечно...

– Вечером не ходи: вечером я злой...

– Ты и с утра, как погляжу...

– Ладно! Вот что, плотник: сделай-ка мне постройку. Пятистенник. Все твое, мои – деньги.

– Сруб, значит?

– Значит, сруб. Нет, два сруба! Сколько возьмешь? Ну, не думай там долго. Я – беспартийный частник и очень добрый. Утром.

– И пол, значит?

– И пол. И печи. Три печи.

– А пошто три-то?

– Мыло буду варить. Мыловаренную фабрику открою. Идет? Ну, сколько, спрашиваю?

– Ежели... ежели с печкой и все прочее... Ну, в рассуждении леса, кругляк, плахи, жерди – все мое?

Констанов выругался.

– Сказано, мои деньги! Все остальное твое.

Тогда Безбородов выкрикнул в отчаянии:

– Тыща! Задаток двести!

Констанов из уже знакомой нам пачки отсчитал десять десятичервонных.

– Бери, обезьяна!..

Безбородов снова обиделся и не притронулся к деньгам...

– Если обзывать будешь, не выйдет у нас никаких делов. И не надо мне твоих денег!

– Ой ли! – удивился Констанов, шнуруя свои громоздкие ботинки-бутсы. – А если я тебе вместо тысячи – две отвалю? А? Тоже не выйдет?

– Вы, случаем, не из купцов? – ощерился Безбородов. – И за две не стану, коли обзываешь.

– Не будешь? Скажи пожалуйста!.. Да, Евгений Михайлович, жизнь таровата на неожиданности... А ведь этот человекообразный сможет. Вижу по глазам – сможет. Не возьмет... Ну, ладно, ладно, пролетарий! Я ведь это так, по-научному... Все мы от обезьяны. И я тоже. Извиняешь? – Констанов хитро подмигнул. – А тыщонку-то лишнюю возьмешь все-таки, а?

– За сколь срядились, за столь и сделаем.

– Ишь ты, принципиальный! – ухмыльнулся философ, и голос его словно потеплел. – Нет, чертов ты сын, я не из купцов. Купцов с девятьсот пятого года сам потрошу... Ладно! Забирай деньги и завтра же начинай. План я составлю. Да, еще вот что: жена у тебя, конечно, есть? Пошли-ка ты ее сюда, пусть заберет вот эти шмутки-манатки.

Он пнул ногой узел, в который еще с ночи свалил пожитки Евстигнеевых.

– Бабу не пошлю, – покачал головой Безбородов. – Может, ты и не из купцов. Не пошлю, и милостыни не надо нам. На том извиняйте и будьте здоровы! С полудня начнем возить лес и кирпич.

Безбородов взял деньги, аккуратно пересчитал и, положив в карман, ушел.

На другой же день работа закипела. Вечером, когда уже были привезены и сложены десятки бревен, Безбородов зашел к Констанову. Тот сидел перед коньячной бутылкой.

– Ну... – Безбородов втянул в себя запах финь-шампаня, – завтра будем ошкуривать бревна. Вот таперича бы не грех и пропустить стаканчик! Артелью то ись... Времена-то нынче крутые. На бирже труда множество околачивается. Уж ты, от щедрот своих...

Констанов сделал непристойный жест:

– А этого не хочешь, пролетарий?

Я трудился над анализом Личности.

Уже были допрошены Безбородов, его артельщики, извозчик Ермолаев. Пришло «отдельное требование» из далекого Ташкента – допросы четы Евстигнеевых. Много материалов поступило и из других городов.

Все отчетливее прорисовывался на страницах дознания облик Констанова, человека сумбурной судьбы.

Бывший студент Казанского университета, бывший поручик царской армии, бывший штабс-капитан у Деникина – вот путь, приведший Констанова в начале нэпа в Читу. Здесь он стал вожаком крупного анархического подполья, унаследовав большие ценности от бывших вожаков – Лаврова и Пережогина.

Следствие установило, что Констанов скрылся из Читы, где жил под фамилией Каверина, разделив кассу между «штабными» и прихватив с собой львиную долю – чемодан с ценностями, которые позже превратил в червонцы.

Диковатая, опустошенная душа Констанова изумляла не только меня.

Совершенные им и его подручными бессмысленные преступления заставляли прежде всего усомниться в психической полноценности человека, противопоставившего личность коллективу.

Прокуратура провела медицинскую экспертизу, но эксперты ответили: «Психически здоров. За действия свои несет полную ответственность».

Однажды дверь моего кабинета тихонько отворилась, и в нее бочком просунулся какой-то старикашка. Он отрекомендовался мастером-мыловаром.

– Я к вам касательно моего хозяина бывшего, – улыбался старичок. – Касательно Евгения Михайловича. Как я у ихней милости полгода проработал, то и желал бы поговорить.

– Хотите дать показания?

– Так точно. Имею такое намерение.

– Что ж, садитесь. Итак, фамилия, имя, отчество?

– Будников, Назар Иванович Будников...

Спустя два месяца после продажи Евстигнеевым своего домовладения Констанову на фасаде одного из двух вновь возведенных срубов вознеслась красивая вывеска, золотом по черному:

**Е.М. КОНСТАНОВ
МЫЛОВАРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО**

Так произошла очередная метаморфоза.

Будников обслуживал предприятие в качестве технорука.

– Только он, хозяин-то, мало интересовался делами, – рассказывал старикан. – Все на меня свалил: и рецептуру, и вывозку отходов, и отдел сбыта. А сам-то целый день сидит, уткнув нос в книжку аль в газеты: он массы газет выписывал! А вечером коньячище хлещет, и на дело ему наплевать. Мне, говорит, дело это не для денежного интересу, а для возвеселения души. Вопрос, говорит, не в том, что у Рокфеллера миллиарды, а у Констанова триста тысяч. Вопрос в другом: сможет ли моя душа с рокфеллеровской сблизиться? Вот какой полет был!..

Несмотря на столь странный образ мыслей Констанова, заводик процветал.

Однажды старик мастер потребовал долевого участия в деле. Констанов легонько прибил его, но сказал:

– Быть по сему! Зови живописца, пусть впишет на вывеске «и К°». «К°» – это ты старый хрыч! Черт с тобой! Почувствуй на закате лет призрака радости обладания! Но теперь я буду тебя бить систематически. Выдержишь?

– Сдюжу, – ответил компаньон. – Только ты бы мне одежду какую справил. Обносился, а жалованье ты все забываешь...

– Цыц, парнокопытный! – прикрикнул Констанов, но, осмотрев его костюмишко и свою донельзя обветшалую пару, скомандовал: – Туши топки, хрен! Поедем в город!

В центре города на базаре встретили рыжебородого Ермолаева. Полушутя-полусерьезно сговорили продать выезд. Тот самый, который и привел нас к голому человеку.

Вернулись домой навеселе, в новеньких добротных «тройках», тупоносых ботинках «Джимми» и в соломенных шляпах канотье.

При покупке этих предметов у бывшего штабс-капитана Констанова и состоялось знакомство с неким Завьяловым, приказчиком мануфактурного магазина Раздобреева.

Завьялов был ярым троцкистом, исключенным из партии. Женившись на дочери крупного мукомола, он пошел по жизни другим путем, стал старшим приказчиком у тестевой родни.

Несколько позже к содружеству был привлечен двадцатитрехлетний Булгаков, неудачливый сын местного дантиста, нечто вроде современного стилиаги.

– Завьялов и Булгаков приезжали к Евгению Михайловичу часто, – показывал старец Будников на допросе. – Выпивали, закусывали. Какого-то растратчика хозяин поминал, будто растратчик тот божий храм поджег. Я так понимаю, что кои документы изничтожить, то... Еще шибко тревожился хозяин: как бы, говорит, шарахнуть по этому гро... глобусу, чтоб навсегда память обо мне осталась. Наполеона шибко ругал: губошлеп, грит. Мне бы евонное войско, я бы, грит, таких натворил делов... узантроп.

– Мизантроп? – переспросил Раскатов.

– Може, и так...

Выяснилось, что старичка Будникова привела в угрозыск боязнь. Услыхав, что Констанов, Завьялов и Булгаков арестованы, он перепугался и, как это часто случается с малодушными, решил убежать вперед.

– Мыло, товарищи, я действительно варил. Не таясь говорю: варил. Но чтоб такую гнусность, чтобы на людей налетать с наганами – энто уж извините-подвиньтесь!

– Да вы с чего взяли, Будников? Кто вас обвиняет?

– Покуда никто. Да ить как знать? Лучше уж я сам... Тем боле, что...

– Что?

– Что-что... Выгнали они меня. За пьянку, сказывал Констанов. Будто я пьянствую.

– Значит, выгнали, и вы решили обратиться к советской власти? – спросил Раскатов.

Старик ответил не без гордости:

– Как мы завсегда советские, и от власти нашей кроме хорошего ничево не видали...

– Рассказывайте откровенно, чтобы вас нельзя было ни в чем заподозрить!..

Раскатов ушел к себе, и старик продолжал свое повествование...

В один из погожих августовских вечеров в доме под вывеской «Е.М. Констанов и К°» за столом, уставленным всяческими яствами и питьями, сидели Констанов и Завьялов. Третий собутыльник накручивал граммофон.

– Закрой шарманку! – крикнул Констанов. – Иди сюда, человекоподобный!

Граммофон захлебнулся. Дантистов сын присел на кончик табуретки и уставился на патрона влюбленными глазами. Констанов плеснул ему коньяку.

– Римляне! Триумвират! Цезарь, Помпей, Красс... А по сути дела – тривиальная, бездейная шпана. Ваньки, родства не помнящие, чем вас помянет потомство, парнокопытные обезьяны? Но ничего, не унывайте: я создам вам славу, я возведу вас на пьедестал бессмертия! Мы захватим этот городишко, и я дам вызов большевистскому стаду и его пастухам. Это будет бесподобная оплеуха всем правопорядкам – и старым и новым!

– Ты все о том же? – опасливо заметил бывший троцкист. – Дело интересное, и мне по душе. А только... как бы не расстреляли. Ведь бандитизм...

– Балда! Верблюд! Как ты не поймешь простых вещей: законами управляет экономика. А теперь представь себе: поступок, в котором и на гран нет экономического смысла. За что ж расстреливать?

– Гм... А возьми – хулиганство, групповые изнасилования – там же тоже без экономики. Но, случается, шлепают...

– Э-э!.. Это из другой оперы. При всяких изнасилованиях, хулиганских актах и тому подобное личность терпит ущерб. А в моем проекте? Никакого. Ведь мы все взятое вернем.

– Хорошо, но... А вдруг – вооруженное сопротивление?

– Ты не знаешь людишек, приказчик, а я знаю. Я офицер и знаю, что такое внезапность. Внезапное нападение. Воля к сопротивлению сразу падает. И очень многое зависит... от манеры.

– Побаиваюсь...

Констанов вскипел:

– Если ты, трусливый пес, и после того, что с тобой сделало ваше сатиropодобное стадо, будешь сидеть в своей душевной конуре, я вышибу тебя из предприятия! Мне нужны люди гордые, свободные, наглые. Дорога в жизнь открыта только наглецам, – так говорил Заратустра... Не хотите? К черту! Я лучше нашего папашку возьму...

Будников прервал свой рассказ, взял у меня папироску.

– Верите ли, гражданин инспектор, как он сказал это да на меня глянул, – душа у меня не токмо в пятки закатилась, а куда-то под пол ушла. Однако сижу в сторонке, кушаю портфейное вино. Евгений Михалыч уходит, значит, в свою спальную, где у его топчан стоял: он на голых досках спал, только приказывал топить, как в бане. Возвращается, и меня оторопь взяла: три маски и револьверы притащил. Два нагана, третий мне, непонятный такой... «Берите, говорит, человекоподобные!» Оружие незаряженное, а патроны не дал. «Не стрелять», – сказал. И поехали. На той пролетке, что наемдни у Ермолаева куплял Евгений Михайлыч. А я остался, и хозяин меня выгнал. Так что вы уж меня не вините ни в чем...

Подходила последняя стадия следствия.

В кабинете Раскатова собралось много народу. Дело в том, что прокуратура не соглашалась с квалификацией преступления по статье 59/3 (бандитизм), а другие настаивали именно на этой квалификации.

Поэтому, когда привезли Констанова, Булгакова и Завьялова, были приготовлены тексты перекрестных допросов.

Констанов был как всегда верен себе: щедро рассыпал свое остроумие.

– Вещи!.. Проклятые вещи! – покачивал головой философ. – Они давят на сознание, принижают величие личности, губят человека. Я ведь хотел сперва все награбленное сжечь. Там же, в кирпичных сараях, в яме. Обратить в дым и пепел. Но раздумал: чем тогда доказать отсутствие корыстных мотивов в моих действиях? Пепел – не доказательство. Мозги у вас устроены так, что над сознанием довлеет вещь. Не та философская «вещь», о которой спорят мыслители «справа» и «слева», а реальная вещь – штаны, пиджак, браслет, часы...

– Каково же ваше кредо, Констанов? – спросил прокурор.

– Голый человек на голой земле!

– Старо! Прудон, плюс Бакунин, плюс Кропоткин. А в итоге – бандит Махно. Вы у него не были?

– Был. Нестор Иванович... бескорыстный и честный человек. Но штаб у него – мерзавец на мерзавце! Больше чем на месяц меня не хватило. А у вас что поновее есть, товарищ прокурор?

– Вернемся к вопросу о вещи, – сказал прокурор. – Вот вы отрицаете необходимость вещей. А кольт и наганы? Ведь если бы не эти вещи, вы не имели бы возможности противопоставить свою злую волю обществу.

– Подумаешь, логика! Наделал бы дровиков.

– Но дровик – тоже вещь. И голышом в сибирскую зиму не походишь.

– Шкуру, медвежьей шкуру на плечи!

– Предположим, шкура в какой-то степени заменит рубашку. Но ведь и шкура – вещь?

– Вообще логично, конечно. Но нельзя же так упрощенно, примитивно, по-детски...

Может быть, перейдем к делу?

Прокурор угрюмо сказал:

– Весь этот разговор и есть дело. Нам нужно знать ваш духовный мир. Установить первопричины, толкнувшие на дикое преступление. Мы должны принять окончательное решение о квалификации преступлений – вашего и ваших соучастников. Между прочим, вы не расположены охарактеризовать своих соучастников?

– Пожалуйста! Завьялов – враг так называемой советской власти, но до главнейших принципов анархии – неограниченной свободы личности – Завьялов не дорос. И никогда не дорас-

тет: довольно пошленький тип! Вы имеете полное право рассматривать его с позиции классовой измены и предательства. Булгаков?.. Ну, тут другое дело. Этот мальчик, если вы его сразу не расстреляете, далеко пойдет. Он будет стрелять в вас. Знаете его идеал? Знаменитый клавесин Филиппа Нидерландского.

– Что это за клавесин? – осведомился я.

– Клавишный инструмент. Вроде фисгармонии, только начиненный живыми кошками, которых при помощи системы рычагов покалывают иглы. При всех моих экспериментах я лично всегда обыскивал его карманы, отбирал финку и кастет и брал только кучером на козлы, не больше... Прошу: не сажайте вместе со мной Завьялова и Булгакова. Я очень сильный человек и прихлопну обоих! Тогда нравственная трагедия превратится в тюремную мелодраму. Это не в моих интересах.

Прокурор, подумав, спросил:

– Одиночка вас устроит?

– Это было бы последним счастьем, дарованным мне судьбой!

Читать свое дело Констанов отказался...

В суде Завьялов и Булгаков произвели на всех отталкивающее впечатление. Булгаков, упав на колени, ссылаясь на свою молодость, умолял пощадить, и мне подумалось, что констановская оценка этой «личности» была необоснованна.

Завьялов сказал:

– Если вы меня освободите, восстановите в партии, я искуплю свою вину.

Он торговался. Он ставил условием: «если...» После чтения приговора смертников окружили конники спецчасти. Усатый, рябой старшина скомандовал:

– Ходи на двор!.. Да не вздумайте тикать – не доживете и до законного часу.

У входа в здание окружного суда столпились люди. Констанов обвел всех презрительным взглядом, сплюнул и спросил конвойного:

– Руки-то вязать будете?

Старшина ответил угрюмо:

– На кой ляд? В сторонку не поспеешь – пристрелим!

– Видал ты его? – скривился в усмешке Констанов. – Мастера стрелкового дела!.. – И крикнул в толпу: – Пигмеи! Нищие духом! Но душу человеческую, бессмертную душу вам не убить!

Встал между Булгаковым и Завьяловым и вдруг запел: «Вы жертвою па-а-а-ли в борьбе роковой...»

– Замолчь! – рявкнул старшина. – Шкура барабанная!.. Ишь, шибко революционный!

Констанов снова ухмыльнулся:

– А что ты со мной сделаешь? Что? Зарубишь? Пристрелишь?

– А вы бы все ж помолчали, господин! – вмешался второй конвоир. – Старшина на руку скорый: он сам у белых под шомполами побывал, и такие коники страсть не уважает. Не ровен час – озлится и нагайкой благословит!

– Меня?! – изумился Констанов. – Меня – нагайкой?

– Тебя, вот именно: при попытке к бегству имеем право – нагайками.

Констанов втянул в плечи свою лохматую большую голову и зашагал молча.

Булгаков бормотал под нос:

– Вот и отжили... Вот и отжили...

И сын зубного врача всхлипывал.

Было холодно, сыро. Ветер сметал осенние листья, с шумом кидая целые охапки под конские копыта, а конвойные, вероятно, в отместку Констанову, вели осужденных прямо по лужам. Так и добрались до железных ворот тюрьмы.

На следующий день защитники дали осужденным подписать казенные кассации, напигованные какой-то непонятной простому смертному юридической аргументацией. В утешение сказали еще:

- Если приговор утверждают в Москве, у вас остается просьба о помиловании ВЦИКу.
- И больше уж ничего?.. – спросил Завьялов с тайной надеждой.

Старший защитник, из бывших присяжных поверенных, развел руками. Рассказал древний анекдот о царской резолюции: «Помиловать нельзя казнить», где все заключалось только в запятой.

– Но... будем надеяться. Скажу по секрету: один из членов суда написал особое мнение – он не согласен с приговором. Только меня не выдавайте, если назначат новое рассмотрение дела...

- А бывает пересуд? – поинтересовался Констанов.
- «Есть много, друг Горацио, на свете...» – защитник пожал плечами и откланялся.

Затем куда-то вызвали Булгакова, тот вскоре вернулся с продуктовой корзинкой и опять расхныкался:

- Папаша мне в морду харкнул... Ешьте, ребята!

Но первые пять дней после отсылки в Москву кассационных жалоб никто почти ничего не ел, и потому всю родительскую передачу отдали надзирателю на благоусмотрение.

Так прошли две недели.

На городок свалилась зима, закутала домишки в грязную бель и все подсыпала и подсыпала с мрачного неба, – оно чуть просматривалось в окно, забранное снаружи кроме решеток еще и ящиками.

Каждый день был наполнен томительным и тревожным ожиданием. Говорить никому не хотелось. Обычно начинал дантистов потомок:

– Все думаю, как это бывает? Небось жутко очень. Есть у нас дома картина художника Верещагина: французы расстреливают в горящем Кремле русских мужиков-поджигателей... Двенадцать ружей... Залп, еще залп, – это вторая шеренга добивает в кого еще не попали первые солдаты. А потом, наверное, офицер достреливает из пистолета...

Констанов молчал. Завьялов обрывал говоруна:

– Как же, держи карман! «Двенадцать ружей!», «Картина Верещагина!..» Нарисовать что хошь можно... А я на фронте повидал, все очень даже просто: берут такого кутьку, как ты, подводят под руки к яме, бац в затылок и – как не жил!.. Ишь, развел наполеоновскую романтику! Верно, господин главнокомандующий?

– Как вам сказать, парнокопытные... По-разному бывает. Иной раз в одиночку... дернет какой чекач тебе в черепушку из нагана, потом еще добавит в брюхо. Для пушей верности. Однако случается и «двенадцать ружей». Вот, например, в Иркутске Колчака расстреливали с уважением к этой исторической личности. И было за что уважать: гордо держал себя адмирал, достойно канонической дюжины винтовок! А нас – просто как псов пришибут.

– А ты почему знаешь? – огрызнулся Завьялов. – И про Колчака – откуда?

– А тебе, обезьяна, какое дело?

– Эх, из-за такой сволочи, как ты, иду на смерть!..

На этом разговор обрывался до следующих суток. Иногда Констанов подходил к дверному волчку, спрашивал у коридорного надзирателя:

– Скоро, что ли, нас?.. Не слыхал, есть что из Москвы?

Волчок в разные дни отвечал по-разному. Иногда грубо:

– Замолчь!

А то – с насмешкой:

– Как скоро – так сейчас!.. Вишь, начальство мне не докладается.

В шесть часов утра начиналась поверка. Гремел засов, в камеру входил очередной дежурный по коридору и раздавал хлебные пайки; потом приносили большой медный чайник, а после чаепития появлялся помощник начальника домзака и, сделав отметку в списке, неизменно спрашивал:

– Жалобы имеются? Констанов, к вам относится! Нет? И у вас жалоб нет, Завьялов? И вы ни на что не жалуетесь, молодой человек? Тоже нет... Ну, отлично. Имею честь!..

– До чего этот помощник мне царскую тюрьму напоминает!.. – однажды с отвращением сказал Констанов, когда за поверяющим захлопнулась дверь.

– А ты и у царя сидел? – осведомился Завьялов.

Констанов ответил из Экклезиаста:

– «Умножающий познание – приумножает скорбь», гражданин бывший коммунист! Учтите на будущее. Хотя его может у вас и не оказаться.

– Чего? – не понял Завьялов.

– Будущего.

Тянулся нудный денек, наполненный тюремной повседневщиной: чай, обед, санпроверка на вошь и снова – чай... чай... чай... Пей не хочу! Этим зельем баловали. А читать смертникам было не положено.

Потом приходила тревожная, наполненная сторожками звуками ночь, и за каждым коридорным надзирательским полусшепотом мнилось то жуткое и грозное, что должно было свершиться когда-нибудь между четырьмя и шестью часами утра. И заключенные с замиранием сердца ловили каждый звук, каждый поворот ключа в замке: это за нами!..

Ночи были бессонными. Только после утренней поверки от сердца отходили страшные думки.

Констанов объявлял с зевком:

– Ну, живем пока, млекопитающиеся! Можно и соснуть маленько. Теперь – до следующей ночи.

Так прошел месяц.

Москва молчала, и судебские, и тюремные диву давались, а помощник начальника домзака товарищ Карлаков как-то сказал мне при очередном посещении этого заведения:

– Слушай, хоть бы вы написали в Москву насчет этих троих дураков. Надо ускорить, надо решать. Это же прямо бессовестно! Ведь люди, люди же, а не бумажная обложка в сейфе! Я у Колчака сидел и по себе знаю, что такое ночи приговоренного к смерти. Шепни там кому следует: пусть поторопят.

Мы написали. Но Москва молчала.

В следующий раз я сказал Карлакову:

– Насчет Констанова и компании даже областной прокурор послал в Москву телеграфное напоминание.

– Ну и что?

– Все то же. Не зря сказано: «Москва слезам не верит». Молчание! Мне бы с Колькой Чернотой повидаться, товарищ Карлаков.

– Опоздал. Вчера пришла шифровка в полночь, а через час привели в исполнение.

– Вот черт! А мы еще одно убийство раскрыли, – его работа...

– Ничего не поделаешь. Колька поступил к нам недавно, и Москва уже распорядилась, а вот эти три дурака все мучаются. Почему такая несправедливость?.. Бюрократичность вообще омерзительная штука, а в таких делах – особенно.

– Говорят, что в Америке и Англии смертники по три года ждут.

– Но ведь мы же не Америка и не Англия, слава богу! Сам дам депешу во ВЦИК.

Но товарищ Карлаков не успел дать телеграмму в Москву. Уже на следующий день произошло нечто ужасное.

Телефоны в угрозыске нервно выбрасывали отрывочные слова:

– Говорит начальник домзака... Побег... Шестеро убитых... Шайка Констанова бежала...

– Говорит начальник конного резерва милиции. В домзаке бунт... Срочно выезжайте... Посылаю на преследование...

– Это из окружка говорят. Немедленно успокойте население и узнайте, что случилось в исправдоме. Не вызвать ли войска?

В городке начинался переполох. Начальник угрозыска скомандовал «запрягать» и резюмировал:

– У паники есть одна особенность – паника заразительна, как холера, – и тут же сам заорал в телефон: – Отключайте всех от домзака, подключите меня! Я Кравчик! Кравчик! Понимаете? Быстрее, черт вас побери совсем, барышня! Панику разводите, а работать – вас нет! – Потом обрушился на меня: – А ты что стоишь, ББ? Бери свою группу и – в домзак! В домзак!

Глядя на его багровое лицо и налившиеся кровью квадратные глаза, я подумал: вот человек – выше паники. Я пошел в свою группу и поднял всех «в ружье».

А по улицам городка уже скакали с карабинами конные милиционеры, и крестьяне, ехавшие на базар, в ужасе шарахались в стороны, отводили свои санки поближе к тротуарам. И все это ничуть не походило на что-либо паническое.

На пути к тюрьме повстречался наш народный следователь Танберг. Он поднял руку. Я приказал агенту «затормозить», и мы втиснули нарследа в кошевку. Танберг уже знал, что в домзаке ЧП, и, пытаясь закурить в тесноте, проговорил без всякой иронии:

– Доигралась тетя Фемида! Пять наганов в руках смертников – шанс беспроигрышный. А вы знаете точно, инспектор, что в тюрьме случилось?

– Бунт. Восстание. Мятеж арестантский!

Следователь – в тон:

– Чушь! Ерунда! Болтология тюремно-милицейская! Там дерзкий побег этой троицы – Констанов, Булгаков, Завьялов. Бежали и ухлопали не то пять надзирателей, не то полдюжины, и еще какого-то мужика...

Но в тюрьме, то бишь в домзаке, было тихо. Как всегда расхаживали на четырех вышках сторожевики в своих длиннополых тулупах, наводивших на размышления – от чьего большого ума повелось часовых наряжать в долгополую овчину: ни встать путем, ни опуститься на колени, ни выстрелить быстро и прицельно!

У ворот нас уже ждали, а во дворе, у входа в корпус, лежали рядком... пять мертвецов. В форме, но с пустыми кобурами. Поодаль – еще труп: бородач в тулупе и в крестьянском шабуре...

– Ереснинский, – пояснил Карлаков. – Вез тушу на базар. Ну а те, убив постового у ворот и выбравшись на улицу, трахнули мужика, овладели лошаденкой и подались за город.

В кабинете начальника домзака на диване лежал... Булгаков. Он был жив и стонал, пожалуй, только для форсу. Хлопотавший тут же тюремный врач сказал:

– Можете допрашивать. Две пули, правда, он заработал, но раны сквозные и, по сути, пустяковые. Сознание отчетливое, но сказочно труслив! Феноменально! Он уверен, что его сейчас же, немедля, вынесут и «стукнут».

Мой субинспектор Андрюша Петров промолвил:

– И надо бы!

Нарслед поморщился и коротко отмахнулся.

– Эк вас разбирает, «субъективный» инспектор!.. Ну, Булгаков, расскажите: куда намеревался бежать Констанов?

Все собравшиеся в кабинете переглянулись, и я понял, что Булгакова уже не раз допрашивало тюремное начальство по поводу того, как это случилось, но никто еще не удосужился подумать: а что же должно произойти дальше?

Я вполголоса беседовал с Карлаковым, чтоб не мешать официальному допросу.

– Все шло у нас как обычно. Только утром, часа в четыре, Констанов потребовал врача и заявил ему: «Снотворного дайте, голова раскалывается от бессонницы».

Ну, дали ему снотворного и другим обоим дал доктор чего-то... Люминалу, что ли? А утром... Надзиратель Картавец принес кипяток и видит: не спят. Булгаков лежит на нарах и плачет навзрыд, а те двое шепчутся. Это надзиратель видел в волчок. Потом Картавец по-обычному сказал: «Прими чай», – и приоткрыл дверь, чтобы просунуть чайник с кипятком. Тут Констанов сорвался с нар, крикнул: «А, лети, душа, в божий рай!» И крутой кипяток – надзирателю в лицо. Тот, конечно, схватился за глаза, а этот, бешеный, выдернул из кобуры наган и надзирателя – в лоб. Снял с шеи револьверный шнур и, угрожая оружием, обоих сообщников выгнал в коридор. Заметь, что те не хотели. Камера на втором этаже, по лестнице поднимался второй надзиратель, тоже с чайником, и не успел схватить наган, как и его застрелили... Тут Констанов второй револьвер сует Завьялову. «Бей, – говорит, – коридорного первого этажа, а я с дежурным помощником покончу!» Так и сделали. Дежурный помощник дремал в кабинете и не успел очухаться, как Констанов его прикончил, а Завьялов в упор застрелил надзирателя первого этажа. Все двери были открыты настежь – утро же: носили хлебные пайки и чайники... И надзиратель у ворот чаек попивал в своей будке, понимаешь? Ну, пятым трахнули и его. У ворот часовой с вышки успел два раза из винтовки в Булгакова – этот последним бежал к воротам – ну и... попал на мушку часовому. Тот ему в руку. Но врач говорит: сквозные ранения и ерундовые, кость не тронута. А револьвера ему не дали сообщники... Только Констанов, когда Завьялов возился с замком на воротах, крикнул Булгакову: «Бери у привратника наган!» А тот ответил: «Меня ранили, помираю...» Ну, бандиты сняли и пятый револьвер, и с пятью наганами – через ворота. Когда на других вышках наши опомнились и стали гвоздить из винтовок по двору, этих двоих уж и след простыл. В переулке встретили они того мужика, что сейчас стынет во дворе. То ли окончательно озверели от кровушки, а может, с целью угона подводы... И – как сквозь землю! На этой подводе...

– Погоню организовали? – перебил шумно вошедший прокурор.

– Спихватился! – иронически шепнул мне помощник начальника домзака. А вслух ответил: – Скачут уже, весь город обложен, все ходы и выходы захвачены – никуда не денутся.

Следователь закончил допрос, но подписать протокол Булгаков еле смог: правая рука действовала плохо.

– Говорит, что Констанов часто рассказывал о какой-то родне в Буграх – есть такая деревня на том берегу, рукой подать...

Прокурор распорядился перевести раненого в тюремную больницу. Нарследователь стал составлять протокол осмотра, а я, собрав свою группу, направился на бугринскую дорогу. Однако ни по дороге, ни в самих Буграх бандитов не оказалось. День уже подвигался к вечеру, тени становились длиннее, яркие блики на снегу и сугробные впадины с каждой минутой все больше и больше темнели.

Обычная наша рецептура ночных поисков в «нормальных» бандитских «хазах» или в блатных «малинах» здесь явно не годилась: они же стали бандитами только сегодня, только пять часов назад, и привычная тяга бандита в родственное логово тут исключалась. Они не были бандитами, хотя и стали ими, и они даже не знали, где искать пристанище. А поэтому и мы не знали, где искать их...

В тот час, который французы зовут «между волком и собакой», над крышами города вдруг забарабанила стрельба. Выстрелы гремели где-то в районе вокзала.

Наконец-то! Волк показал зубы...

Есть в Новосибирске одно интересное, дожившее до наших дней железнодорожное сооружение: тоннель на Чернышевском спуске. Давно его построили: кажется, еще во времена Гарина-Михайловского. Он – узенький, неудобный, этот тоннель с пешеходным движением лишь по одной стороне и с грохотом поездов наверху – там проходит пучок подъездных путей к вокзалу. И поныне на стенах тоннеля сохранились пулевые борозды и щербины, та пулевая рябь, которую выбивает наган в бетоне и цементе.

Встают в моей памяти минуты последней встречи угрозыска с Констановым...

Когда мы, подобрав по дороге брошенную подводу, с которой уже была скинута мясная туша (а ее так и не нашли, тушу эту), очутились перед тоннелем и наганы в его пустоте загремели, как обух в железной бочке, чья-то пуля настигла Завьялова. Я не знаю – может, наша, а может, железнодорожных охранников, которые метким выстрелом ссадили Завьялова с вагонного тамбура проходившего наверху товарного поезда. Не знаю. Но когда я вскарабкался на насыпь, Завьялов уже лежал, раскинув руки, и в каждой было по нагану.

В последних лучах солнца силуэтно я увидел Констанова. Он метался по вагонным крышам и бесполезно щелкал револьверами, а за ним гнался, тоже прыгая с крыши на крышу, наш агент Стасик Букаловский, комсомолец. Его звали «сыщик с усиками», и Стасик тоже щелкал пустыми револьверами, а когда и я принял на локоть свой наган, – было уже поздно.

Констанов прыгнул с крыши, сломал ногу, но сумел еще подползти к тормозившему составу и положил свою лохматую голову на рельс...

И все же самое страшное в этой истории было впереди.

Когда все кончилось, начальник заглянул к нам.

– Зайди ко мне, ББ!

В кабинете сказал сумрачно:

– Зря!

– Что зря, Викентий Юзефович?

– Все – зря. В окружной суд пришла телеграмма кассационной коллегии Верховного суда: приговор Констанову, Булгакову, Завьялову отменен. Дело переквалифицировано на 74 статью, как злостное хулиганство, и каждому определили по пяти лет...

Это и было самым страшным. Я даже сказал:

– Значит, убийцы... мы?

А наблюдающий за нашим учреждением народный следователь Танберг изрек:

– Тетка Фемида должна шагать вровень не только с часами. Эта чертова красавица, с мечом и весами, должна себе глазки развязать и не только в формуляры заглядывать, но и в сердце смотреть... Оно же – совсем не простая штука, человеческое сердце. Оно и на баррикады человека ведет, и на преступление...

– Видите ли, – начал было я, – при создании объективно благоприятных условий для субъекта, склонного к преступлению...

Следователь нервно замахал руками:

– Вот-вот. Даже говорить по-людски не можем! «Объективно благоприятные условия для субъекта, склонного...» Ведь вы делаете нужное, хорошее и благородное дело, инспектор. Зачем же вам эта книжно-канцелярская тарабарщина? Речь ведь не о Констанове и Булгакове, а о том московском чинуше из кассационной коллегии, что расстрельное дело промариновал больше месяца и не удосужился хоть пару строчек за казенный счет послать сюда! Сами мы из моральных босяков, из хулиганишек «с запросами» сотворили бандитов по всей форме!

За окном распевает свои песни февральская выюга, и снег – всюду, как в тот памятный декабрьский день тысяча девятьсот двадцать пятого года.

И хотя на том месте, где стояла старая новониколаевская тюрьма, сейчас вознесся огромный домина речного училища, мне все мерещатся пустынный двор домзака и пять трупов, одетых в форму, с пустыми кобурами на боку, и мертвый бородач в тулупе...

Народный следователь

Тысяча девятьсот двадцать седьмой год...

Выписка

из приказа Уполнаркомюста
по Западно-Сибирскому краю
По личному составу

*«...назначается Народным следователем 7-го участка Зап. – Сиб. края,
с резиденцией в селе Святском энского округа, с последующим утверждением
Районным Исполнительным Комитетом».*

Подписи. Печать.

Предписание

*«...с прибытием к месту назначения организовать межрайонную
Камеру Народного следователя, в соответствии с Положением,
утвержденным Наркомюстом РСФСР и ст... УПК РСФСР.*

Утверждение Райисполкомом и вступление в должность – донести».

Подписи. Печать.

Три глухих удара станционного колокола. Поезд, доставивший меня на небольшой полустанок, проскрежетал замерзшими тормозами, дернулся, громохнул буферами, и вагоны поползли в ночную даль, к Омску. Мелькнул красный фонарик. Зимняя темь, только из окна станционной конторки бросает на синий снег желтые пятна лампа-молния.

Где-то неподалеку – конское ржание, но ничего не видно...

Холод. Морозит.

– Далеко следуете, гражданин?

Передо мной огромная фигура в волчьей дохе.

– В Святское. А что – не ямщик, случайно?

– Ямщик. Курков мое фамилие. Еслив пожелаете, свезу мигом! За два с половиной часа домчу. Кони – звери... Тулуп есть... И не заметите.

– Сколько возьмешь?

– Что там! Сойдемся. Айдайте... Давайте чемоданчик...

Кошева широкая, просторная – хоть свадьбу вози.

– Трогай, Курков!

Свист ямщикий, по-разбойному резкий, оглушительно врывается в уши...

– Эй, вы, ласточки!..

Рывок, облако снежной пыли, и бешеный перепляс старосибирской ямщикьей пары по набитой дороге-зимнику. Только цокают копыта коренника в передок кошевки, режет лицо ледяной ветер да заливаются шаркунцы...

– Добрые у тебя кони, Курков!..

– Чо-о?

– Говорю: кони знатные!

– А-а-а!.. И прадед ямщиком ездил... Коней знаем...

Вокруг морозная пустыня да бескрайние камыши. Озера, озера...

Час скачки. Но вот пустил ямщик лошадей шагом.

– Закуривай, Курков! Угощайся городской папироской. Сам-то святский?

– Невдалеке отшель проживаем. В Сивушине. Ране-то здесь Московский тракт проходил. Почитай, полсела на ямщине жили... А вы – к нам на должность али так на побывку, к родне какой?

– Народный следователь.

– А-а-а! Вас в Святском давно ждут. И квартера, кажись, приготовлена. Вона, как сошлось! За вами вроде два раза исполкомовских лошадей посылали, а довелось мне... слушаем...

– Да задержался в городе... А что это там за огоньки? Вон справа. Деревня?

– Деревень тут на все полсотни верст не сыщешь, до самого райцентру... Волки.

– Смотри-ка? Много зверья? Нападают?

– В редкость. Нонешний год – было... Бабу одну заели... Хворающая баба была, а одиношно поперлась со своей деревни в село. К крайней обедне вишь понадобилось. То ли грехи замазывать, то ли от хвори Миколу Зимнему свечку поставить... А пуржило. Ну, через два дня нашли голову да ноги в пимах...

Долго молчим.

– А на проезжих нападают?

– Не-е-е. Зверь с понятием. Учителка ишо шла обратно с сельца в деревеньку... За карасином ходила на восемь верст. Ну, окружило волчье. И идут в пяту, наперед забегают, садятся: вроде, дескать, нет тебе ходу – смерть! Бабенка сперва в смятение вошла, а все ж догадалась: юбку порвала и – в жгут, а потом – карасином. И подожгла. Зверье – в стороны, а учителка так в невредимости и дошла до жительства. Боле не слышать было. Волк – он над слабым да хворым куражится, а коли видит, что человек в полной силе, – ни в жисть не насмелится.

– Труслив?

– Да ить оно как сказать? В девятнадцатом, как колчаки скрозь наше Сивушино да скрозь Святское тоже отступали, так зверье за имя агромадными стаями шли... Подбирали отставших, замерзающие которые. Стреляли, пуляли колчаки, а ему, зверю тоись, наплевать! Идет валом. Вот и выходит – не труслив, а знает чо к чему... Умнеющий зверь! И характерный...

– Как это – характерный?

– А так: если в кошару попал – всем, сколь есть овечек, глотки порвет. Жрать не будет, а порежет всех. Это у него – обязательно...

– Вот сволочной зверь! Всех?

– Сколь есть! Сволочной, это верно.

– Слушай, Курков, а с колчаковцами у вас сильные бои были? Они ведь тоже... характерные.

– Да, было... Как же без этого?

– Ну а как у вас насчет грабежей по дорогам? Были банды?

– Банды не банды, а так... блуд кое-какой кажное лето случается... Особливо конокрады.

Одначе и тем дороги перепаханы...

– Милиция ловит?

– И милиция тоже... А боле сами мужики конокрадишек казнят... «метят».

– Убивают самосудом?

– Зачем убивать? Всяка тварь жить хочет... А поймают мужики с ворованными конями – леву ладошку на пенек да топором по пальчикам... Не воруй!

– Да... А правую руку не рубят?

– Нет... Ну рази уж вдругорядь изловят. А которые заядлые, ну тех, бывает, и кончают наовсе.

– Нельзя так! Это еще при царе было, а теперь власть своя, рабоче-крестьянская. Бороться с самосудами надо! Беззаконие...

– Да ить, конечно, – не похвальное дело... А ну, голуби!

Снова бьют подковы о передок саней, и на поворотах заносит широкую кошеву.

Одолевает дорожная дремота...

– Тпр-р-ру... Приехали, товарищ народный следователь.

Подслеповатые домишки. Площадь с неизбежной коновязью. Каменный магазин с железными ставнями. Двухэтажный каменный дом. Еще один...

По площади ходит и гремит колотушкой ночной сторож.

Вот оно – древнее село Святское. Резиденция камеры народного следователя 7-го участка энского округа...

– Вот, следователя вам доставил. Его к кому на квартиру? Знаешь, поди, – обратился мой ямщик к старику.

Тот объяснил.

Ямщик свернул в переулок, подъехал к покосившемуся дому-пятистеннику. Кнutowищем застучал в ворота, потом – в деревянные ставни...

– Просыпайся, хозяйка. Прймай своего квартиранта...

Двадцатого января 1927 года народный следователь Святского, Большаковского и Муромского районов был утвержден Районным исполнительным комитетом и начал знакомиться со своим участком, делами его и людьми.

Вот я в квартире райуполномоченного ОГПУ Дьяконова.

Он старше меня лет на шесть, сухощав и невысок. Скулы туго обтянуты коричневой от загара кожей. Впоследствии я убедился: загар этот – вечен. И зимой и летом одинаков.

С потолка комнаты свешиваются гимнастические кольца. Около печки – тяжелые гири.

Но главное в комнате уполномоченного ГПУ – книги. Книги на трех этажерках, книги на столе, книги на подоконниках.

– Много читаешь, товарищ уполномоченный?

– Много читаю, следователь... Много. Иначе нельзя. А ты?

– Да, конечно...

– Это хорошо. Наши деятели сейчас тоже к книжке потянулись, да не у всех вытанцовывается. Грамоты не хватает. Ну что ж? Рассказать тебе о районной советской власти?

– Обязательно.

– Гм... Председатель РИКа Пахомов... Лет ему уже... к пятому десятку подбирается. Бывший начальник уголовного розыска, при колчаковщине – партизанский вожак. Мужчина «сурьезный» и большой законник. Упрям, очень упрям... Ну что еще о нем?..

– Я с ним уже познакомился. С первой встречи предупредил, что, если из округа не будет соответствующего отношения, не станет отапливать камеру...

– Вот-вот. А если будет бумага с печатью – дровами завалит.

– Ну, у меня печать своя...

– Тогда ты обеспечен... Секретарь райкома Туляков. Хороший человек, прекрасный коммунист... Всем бы взял, да малограмотен. От «пуцай» еще не ушел. В будущем году поедет учиться. Учти – в разговорах вспыльчив и пытается командовать... Заврайзо Косых. Тоже бывший партизанский командир. Политически хорошо подкован, но окружен кулацкой родней. Принимает подношения. С ним еще придется повозиться.

Райком, райисполком, рабкооп, райфо, РАО... За каждым словом, обозначающим учреждение, – живые люди, живой человек, большей частью – большевик, овеванный партизанской славой, покрытый рубцами старых ранений, но – малограмотен.

Все они мечтают: учиться, учиться... Но учиться некогда. Работы – непочатый край.

– Слушай, Виктор Павлыч! А в деревне тяга к знаниям чувствуется? И как тут у вас... обстоит дело с классовым расслоением?

– Насчет тяги – а когда ее в деревне не было? Со времен Ломоносова деревня к грамоте тянется, да не выходило... Что ж тебе сказать? Тут роль избачей и учителей – огромна. А с ними не все благополучно. Много понаехало к нам городских. В крестьянском хозяйстве – ни уха ни рыла. Нужно своих учителей воспитывать. Вот в будущем году мы твердо решили тридцать человек из окончивших ШКМ оставить в районе... Вынесли такое решение и в рай-

коме, и в РИКе. Касательно же классового расслоения... нэп много напутал. В годы военного коммунизма было проще: вот тебе кулак, а вот бедняк!

- Как с преступностью?
- Без работы не останешься!
- А контрреволюционный элемент?
- И я на биржу труда не собираюсь... Ну пойдем, пообедаем.
- Спасибо. Буду обедать у своей хозяйки, а то обидится.
- Ну, не задерживаю... Да, вот что: ты Достоевского читал? «Преступление и наказание»?
- Читал. Не понравилось. Слишком много чернил на убийстве одной старухи...
- Конечно! То ли дело – Шерлок Холмс!
- Издеваешься?
- Издеваюсь. Не нравится?
- Разберемся.
- Не выйдет. Я сильнее. Хочешь дам «Пещеру Лейхтвейса»? Очень даже завлекательная

книжка!

Дьяконов подошел к одной из этажерок, порылся в книгах и подал мне «Братьев Карамазовых».

- Читал?
- Н-нет.

– Прочитай обязательно. Я не без задней мысли: во-первых, тебе, как следователю, нужно особенно жать на психологию, во-вторых, мне, как уполномоченному, нужно знать твое развитие.

- Слушай, товарищ уполномоченный, а тебе не кажется, что ты – нахал?

– А тебе не кажется, что я ни с кем другим так бы не говорил? О том, что ты бывший чекист и почти хороший большевик, хотя и со срывами, мне уже давно известно. Еще до твоего приезда запросил необходимое... А вот где ты стоишь – «надо мной» или «подо мной»? Ведь работать придется, как говорится, рука об руку...

- Допустим – «над»?

– Не допускаю!.. Уже целый час присматриваюсь. А если так окажется – чудесно! Мне друг нужен... Не такой, чтобы шептаться, а такой, чтобы поправил, где оступлюсь...

- А если – ты «над»?
- Тогда я поправлять буду...
- Будь здоров, Дьяконов!
- Ты куда после обеда?
- Знакомиться с начмиллом...

– Шаркунов – человек очень интересный. Типичный осколок военного коммунизма. Пробовал я его за уши вытягивать – не поддается. Он ведь в оперативном отношении – в твоём подчинении?

- Как орган дознания.
- А ему – наплевать! Понял? Чем ты его ушибешь? Окриком? Нельзя. Этот из тех, что по первому зову партии на штыки голой грудью бросится. Ученостью? Он лишь посмеется...
- Найду чем, не беспокойся!
- Ну, пока, самоуверенный ты человек!

Огромный, чисто выметенный двор районного административного отдела окружен завознями и конюшнями. Посреди двора – конный строй. Идет рубка лозы.

На крыльце, широко расставив ноги, стоит человек лет сорока в командирской шинели с милицейскими петлицами. На голове синий кавалерийский шлем с большой красной звездой. На левом глазу черная повязка. Офицерская шашка блестит золоченым эфесом.

– Соколов! Шашку вон! Удар справа!

Мчится по двору статный вороной конь. Сверкнула шашка, но лоза не срублена, а сломана.

– Как клинок держишь, раззява? Повторить! Вам кого, товарищ?

– Наверно, вас... Я – народный следователь.

– Слыхал. Здравствуйте. Шаркунов, Василий Иванович. Можете просто Василием звать. Спешиться! Смирнов! Остаешься за меня. Закончишь рубку – проведи еще раз седловку. Ну, пойдем чай пить, товарищ...

– Спасибо. Времени нет. Прошу подготовить все дознания для проверки.

В единственном глазу начальника милиции нехороший блеск.

– Так-с... Когда прикажете?

– Сегодня к вечеру. Кстати, нет ли у вас на примете кандидата в секретари моей камеры?

– Писарями не занимаюсь! Для меня все писаря одного хорошего сабельного удара не стоят! – И с нескрываемой насмешкой: – Не желаете ли попробовать? По лозе? Смирнов! Коня сюда!

– Спасибо. Клинком не владею... Я – моряк...

– Моряки-то на море плавают...

Ну ничего, я знаю, чем пронять таких, как ты. Браунинг, мгновенно выхваченный из моего кармана, высоко взлетел в воздух, кувыркнулся и снова оказался в моем кулаке.

– Что – в цирке работал?

Ну и дьявол!

– Вбейте вот в это бревно гвоздь наполовину. Товарищи, найдется гвоздь?

От сгрудившихся вокруг нас милиционеров отделились двое, побежали к сараю и вернулись с большим гвоздем и молотком.

– Вот сюда вбейте. На уровне глаз...

Ну, держи серьезный экзамен, товарищ народный следователь.

Пять шагов... восемь... Еще два... и еще два.

Браунинг три раза выбросил легкий дымок. Из трех одна да найдет гвоздевую шляпку.

Так, есть! Гвоздь вбит пулей. Милиционеры смотрят на меня, широко открыв глаза.

– Да милый ты мой человек! – вдруг в неистовом восторге кричит начмил. – Да где ж такое видано? Видал стрелков, видал! Но то из винтовки! А тут из такой пукалки! Ура товарищу следователю! С таким не чай пить – водку! Смирнов, Рязанцев, Тропинин! Тащите его ко мне! Арестовать его, артиста!

Как я ни упирался – день пропал. Пришлось пить водку. И пить так, чтобы – ни в одном глазу, как говорится. Единственный глаз Шаркунова все время наблюдает. Внимательно и хитро...

Домой меня доставили на лошади начальника милиции. Шаркунов провожал и все время спрашивал:

– Как самочувствие?

– Отлично... Завтра утром – не забудьте – дознания на просмотр...

– Слушаюсь! Ну и орел!.. Так, говоришь, всю Гражданскую – на фронтах? Три раза ранен?

– Дважды ранен и тяжело контужен... Да уезжай ты, сделай милость!

Утром следующего дня Шаркунов предстал перед моим столом в сопровождении своего помощника с пачкой дознаний. На замечания щелкал каблуками, позванивая шпорами, приговаривал:

– Слушаюсь, товарищ следователь! Будет исполнено, товарищ следователь!

На третий день вернулся из района секретарь райкома товарищ Туляков. Он оказался прихрамывающим человеком средних лет, с простым крестьянским, но не бородатым, а гладко

выбранным лицом. На пиджаке в большой шелковой, вишневого цвета розетке – орден Красного Знамени.

– Садись... Семью не привез?

– При первой возможности... Думаю на будущей неделе дать телеграмму. Вот только мебелишкой кой-какой обзаведусь...

– Значит, не сбежишь... Не сбежишь? Фронтовик?

– Фронтовик. Не сбегу.

– Дел много. Ох и много дел! Вот тут я тебе накопил...

Он хлопает ящиками письменного стола и вынимает одну за другой бумаги с размашистыми резолюциями.

– Это из Глазовки. Там председатель сельсовета совсем закомиссарился. Орет на людей, кулаком стучит по столу. Проверишь и доложишь. А вот из Леоновки. Тут, видишь, дело хитрое: послали мы туда недавно нового учителя, а он с кулачем схлестнулся. Вместе пьянствуют, школа по неделям закрыта. Наведи следствие. А здесь из Бутырки пишут: водосвятие устроили, черти! Арестуй попов и доставь сюда! Ну, тут таловские сообщают и тоже об учительнице: с парнями шашни затеяла! Любовь на полный ход, парни из-за нее разодрались, а дело стоит. Поезжай и сделай строгое внушение. Если нужно – хахала арестуй и привези сюда. Поддержим в РАО. Пусть охладится.

– М-да...

– Что? Испугался? Не робей – поможем!

– Да нет... Работы я не боюсь.

– Вот и хорошо. От работы сколь ни бегай – она тебя все одно сыщет... Ну, поедем дальше: в Хомутовке сельсоветчики секретаря сняли. Красного партизана. Якобы – неграмотный. А приняли секретарем кулацкого сынка. Тут, брат, дело политическое. Нужно со всей строгостью закона... Да ты что на меня уставился?

– Ничего, я слушаю. Продолжайте.

– В Ракитине попову дочку изнасиловали. Ну это ерунда, потом можешь заняться, когда освободишься!

Я прочитал заявление поповны об изнасиловании и положил в свой портфель. Остальные бумажки сложил стопочкой и оставил на столе.

– Все эти материалы, Семен Петрович, принять к производству не могу.

– Как? Что ты сказал?

– Говорю, что эти бумаги не могу принять...

– Это почему же, дорогой товарищ?

– За отсутствием признаков уголовно-наказуемых деяний.

– Да ты что – в уме?!

Туляков встал из-за стола. На лице его отобразились поочередно: удивление, злость, гадливость...

– Так вот кого нам прислали?! Так-так... Значит, классового врага защищаешь, а советская власть тебя не касается? Пуцай, значит: на местах дис-креди-ди... дискредитуют, а ты будешь поповну оберегать? Так я вас понимаю?

– Нет, не так, Семен Петрович.

Сколько ни пытался я объяснить ему роль и значение народного следователя, который был в то время в райцентрах фигурой автономной и осуществлял некоторые прокурорские функции, Туляков оставался непоколебимым. Глаза его смотрели на меня открыто враждебно.

А когда я напомнил, что для разбора аморальных поступков низовых работников советской власти в районе существует инструкторский аппарат райкома и аппарат РИКа, в его взгляде отразилось нечто новое... Так смотрят на безнадежно потерянного.

Из райкома я вышел подавленный. Вспомнились последние минуты разговора. Туляков демонстративно сложил свои «материалы» в стол, тщательно два раза повернул ключ каждого ящика, подошел к купеческому железному сундуку, заменявшему сейф, и так же аккуратно запер и сундук. Показав этим полное «отгораживание» от меня, Туляков вернулся к столу и, глядя на сукно, заявил:

– Извиняйте, гражданин. Я занят...

Я отправился к Дьяконову. Тот, выслушав меня, сказал:

– Ты, конечно, был прав. Но оба вы – никудышные «дипломаты». Знаешь, в чем твоя ошибка? В том, что забыл про Ленина. «О революционной законности». Пусть, конечно, не по данному конкретному поводу, а вообще. Тебе бы доказать, что твоя роль – революционная законность. По Ленину. И все встало бы сразу на место! Ты полное собрание сочинений Ильича выписал?

– Н-нет...

– Завтра же выпиши. Какой же ты большевик, если у тебя на книжной полке сочинений Ильича нет. Чем ты вообще в жизни и работе будешь руководствоваться? Циркулярами? Ладно, иди с миром...

...Прошло три недели. Однажды я получил отношение из округа. Прокурор писал:

«...По жалобе, принесенной на вас секретарем Святского райкома РКП(б) товарищем Туляковым, произведена проверка. Ваши действия правильны».

А еще через пару дней в камере появился сам Туляков. Он... сиял.

– Ну, дорогой товарищ, и дали же мне из-за тебя жару! Оказывается – ты был прав! Забудь! И знаешь что? Есть у меня идея одна... Сможешь сделать для районного актива доклад о революционной законности? Ну что там к чему и так дале... Кому, что и за что положено и прочее...

– И кому чем положено заниматься?

– Само собой! Только шибко функционалку не разводи. Райком есть райком! Понимаешь?

– Понимаю... Попробую справиться...

– Справишься! Законник! Вас бы с Пахомовым спарить, предриком нашим.

– Тут – другое дело, Семен Петрович...

– Да я просто так! Думаешь, секретарь райкома совсем из ума выжил? Значит, приготовь тезисы доклада. Обсудим на бюро и – давай!

Мне хочется улыбнуться: все-таки получается – «твой, дескать, верх, а моя макушка».

Вскоре в селе Святском состоялся первый от сотворения мира доклад: «Революционная законность и ее классовая сущность». А Туляков после доклада сказал:

– Здорово! Я тебя с первого взгляда наскрозь понял: этот не подведет!

Милый человек и превосходный коммунист все же не мог обойтись без «макушки». Скоро его послали учиться в краевую совпартшколу...

Самоубийство Никодимова

Весна тысяча девятьсот двадцать восьмого обрушила свое тепло на Святское как-то сразу, вдруг.

Еще стояли холодные дни, за селом резала глаз все та же, надоевшая за зиму, исполосованная следами зверья снежная целина, еще не потемнели дороги и утренники были морозны совсем по-зимнему, но однажды ночью прилетел в село теплый ветер-южак.

Прилетел и начал озоровать: гремел железом крыш, по-разбойному свистал в водостоках каменных хоромин больницы и РИКа, оторвал несколько ставен, повалил подгнившие ворота у дома вдовы Ремешковой и с рассветом ринулся дальше на север.

А в полдень запылало в небе ярчайшее солнце.

Не прошло и трех дней, как ощеренные иглами, грязно-серые кучи снега стали оседать и расплываться голубыми лужами, и понеслись по улицам мутные потоки, унося с собой разный, выброшенный за ненадобностью житейский хлам.

Большущий оконный «реомюр» больницы вымахал синюю жидкость высоко над красной чертой.

Рощу облепили крикливые орды грачей.

И стало ясно: пришла весна. Пришла окончательно и бесповоротно!

Ночью над селом свистели в небе тысячи крыл, и журавлиное курлыкание перекликалось с лебедиными фанфарами. Но всех перекрывает деловитый говор гусей.

– Как ко-го? Его! Ко-го? Га-га! А ты кого?

Наверное, гусихи договариваются о выборе мужей, но охотник, вышедший ночью послушать пролет, весело-угрожающе кричит ввысь невидимым птицам:

– Ага! Кого? Тебя, тебя! Ужо доберусь!

Сегодня воскресенье, и, попитавшись пирожками у квартирохозяйки, можно задержаться до полудня дома. Я оторвал календарный листок, распахнул створки окна и хватил полной грудью теплого воздуха.

Ну вот и вторая моя весна в Святском! Как-то пройдет этот год?

Зима была относительно спокойной, но я, по давнему опыту работы в уголовном розыске, хорошо знаю: весна – тяжелое время для следователя. Скоро лягут на мой стол письма о «подснежниках».

Это – не сообщения натуралистов и цветоводов.

«Подснежники» – трупы, вытаявшие весной из-под белой пелены.

Разные бывают «подснежники».

Бабенка с расколотым черепом, глухой ночью вывезенная убийцей-мужем из деревни в снега. Дескать: «Ушла ночевать к подружке в соседнюю деревню и не воротилась... Уж я с ног сбился! Искал, искал, и все без толку! Ума не приложу – куда Настя пропала? И заявление в милицию сделал, и сам искал – нет!»

Незадачливый любовник, с лицом искромсанным волчьей картечью из дробовика. «Как выехал сосед Сеньша со двора той неделей, так и не воротился. Конишка-то пришел, а Сеньши нет как нет! Неначе волки загрызли!»

Заготовитель сельпо, ехавший с крупной суммой денег и выслеженный на проселочном зимнике предприимчивым ямщиком. «А как же, встретлся, встретился... Мы у Федосихи посидели, выпили по косушке и поехали. Он – на Гусевку, сказывал, а я – в обрат, на Журавлиху... Вот такое дело».

«Подснежники» разные, а расчет любого убийцы всегда один: сунул труп в сугроб – и дело с концом, весной голодное зверье растащит по частям.

Никто из убийц не читал римского права и не знает юридического постулата древних: «Нет трупа – нет преступления», но каждый думает именно так.

Только так не получается. Волки охотно жрут мертвечину поздней осенью, но зимой и весной предпочитают свежую баранину.

И безгласные «подснежники», хорошо сохранные морозами, для следователя разговорчивы...

Я стою у окна, смотрю на стайку дерущихся воробьев – почему у них такая подлая манера: все на одного? Самосуд, по всей форме! И забивают насмерть! Как иной раз люди...

– Разреши ворваться?

В дверях Дьяконов.

– Заходи! Садись! Сейчас пирожков притащу.

– Не надо. О чем задумался?

– О смерти...

– Нашел время! В природе жизнь! Смотри, как наша Картас-река бушует! Ну, прочитал Хаджи-Мурата Мугуева? Крепко?

– Здорово написано!

– Петухов сказал: следующий номер нашей программы – Лидия Сейфуллина. «Милость генерала Дутова». И журнал «Сибирские огни». Ну, начнем заниматься? – спросил Дьяконов. – Во вторник Петухов будет принимать. И с нас, брат, спрос в первую очередь.

Дело в том, что новый секретарь райкома «протащил на бюро» вопрос о «самообразовании райпартактива». И теперь мы два раза в неделю прорабатываем русскую и советскую литературу. Это в районе небывалое новшество, и бывшим партизанам, занявшим сейчас районные высоты, приходится нелегко... Нам с Дьяконовым легче. Оба мы – книголюбы и оба – слушатели ВЮК – Высших юридических курсов...

– Не хочу, Павлыч... Нет настроения... Вот Желтовский зачем-то бежит... Наверное, на охоту звать...

– Все вы охотники – блажные. Дурью маетесь!

Секретарь моей камеры, семнадцатилетний Игорь Желтовский, влетел в комнату без стука и выпалил с передышками:

– Никодимов... только что... покончил... с собой!

– Ты что болтаешь?!

– Кто тебе сказал?!

Игорь шмыгнул носом. Когда он волновался или злился – всегда шмыгал. Эту привычку он сохранил до седых волос и прокурорских вершин.

– Никто не сказал... Вернее, все сказали. Они все у предрика в кабинете... Вас вызывают. И к вам, товарищ райуполномоченный, на квартиру послали. Утопился... Бросился в Картас.

Утопился Аркадий Ильич Никодимов! Наш веселый, остроумный, добродушный и отзывчивый секретарь президиума райисполкома. Сама мысль об этом была чудовищно нелепой. Спокойный, уравновешенный человек лет тридцати пяти. Женат на хорошей, интеллигентной женщине-учительнице. Жили душа в душу! Считался отличным работником... Собирался вступить в партию. Да что за чертовщина!

...В кабинете предрика Пахомова собрался весь районный актив. Уполномоченный угрозыска докладывает:

– Рано утром жительницы вышли полоскать белье...

– Что ж их ради воскресенья на реку понесло? – перебивает хмурый Пахомов, хотя это совершенно не относится к делу.

– Завтра опять праздник, – поясняет Дьяконов, – какой-то Егорий вешний...

– Так вот, – продолжает уполномоченный, – Аркадий Ильич прошел в конец мостков. Там свайные мостки, знаете, где летом лодки стоят? Женщины окликнули, предупредили, чтобы не упал в реку. Вода бешеная, весенняя. Аркадий Ильич обернулся, махнул прачкам рукой и бросился в воду как был в одежде. Женщины рассказывают, что два раза видали, как из воды поднялась рука Никодимова, а затем он скрылся из глаз за поворотом реки, там, где наш мост...

Уполномоченного розыска дополнил Шаркунов:

– Меры приняты. Тело ищем. По берегам поехали конные милиционеры.

– А лодки, лодки?! – волновался Пахомов. – Надо проверить: вышли ли на поиски лодки?!

Но тут оказалось, что ни одной годной лодки в селе нет – все текут.

– Черт знает что! – возмутился Петухов. – Неужели вы здесь за восемь лет советской власти не могли при пожарной части организовать спасательную службу?!

Кто-то напомнил, что Картас весной беснуется, а летом – курице по колено.

– Какого парня потеряли! – горестно вздохнул заврайоно Рукавишников. – Какого парня! Окрипполком его всем в пример ставил... Поэт был.

Я вспомнил: да, действительно, Никодимов писал стихи. Даже печатался в окружной газете.

И еще вспомнил свой первый разговор с погибшим. Никодимов готовил проект постановления РИКа о моем утверждении в должности.

– Тяготит меня членство в президиуме, – сказал Аркадий Ильич, когда мы разговорились, – по натуре своей не имею склонности командовать людьми. Да и генеалогия неподходящая: все Никодимовы – или учителя, или попы...

Затем из разговора выяснилось, что это вполне интеллигентный человек, кончивший учительскую семинарию, и один из немногих хорошо грамотных бывших партизан.

Партизанил Аркадий Ильич в одном из алтайских отрядов, имел партизанский значок, но говорил об этом всегда со смущенной улыбкой.

Таков был Аркадий Ильич Никодимов.

И вот теперь его нет. В чем же дело?!

Что за причина самоубийства?!

Именно это и спросил секретарь райкома Петухов, смотря на меня в упор.

И все смотрели на меня.

Оставалось только встать и заявить официально:

– Приступаю к производству предварительного следствия по делу о самоубийстве Никодимова. Товарищей, имеющих какие-либо сведения, соображения или документы, касающиеся данного случая, прошу зайти ко мне в камеру.

В основу расследования каждого самоубийства положено решение трех неизвестных: а) самоубийство или замаскированное убийство; б) если самоубийство неоспоримо – причины его; в) не было ли виновных, вынудивших икса совершить самоубийство.

Уголовным кодексом предусмотрена статья, карающая за понуждение к самоубийству.

На первые два вопроса нужно всегда отвечать в самом начале следственного производства.

Свидетельство двух прачек само по себе исключало любую версию о насильственной смерти. Таким образом, ответ на первый вопрос может считаться решенным: да, самоубийство!

Итак, нужно приступать к решению неизвестного «б». О неизвестном «в» заботиться еще рано. Да и практика показывает, что с этим пунктом следователь встречается чрезвычайно редко. Существует он больше ради проформы.

Зампредседателя РИКа Пастухов, с которым Никодимову приходилось чаще всего обращаться по службе, на допросе сказал:

– Последние дни он все какой-то сумной ходил... Вроде сам не свой... Я его спрашиваю: что, мол, с тобой, Аркадий? Может, говорю, с женой нелады или еще что случилось? Он ответил: так, просто так, говорит, товарищ Пастухов... Грусть беспричинная... На меня, говорит, весной всегда находит тяжелое настроение... Не беспокойся. Пройдет!

Покончив с первыми краткими вопросами, я созвонился с Дьяконовым:

– Сходим к нему на квартиру, Павлыч?

– Обязательно... Заходи за мной, тебе по пути.

Жена Никодимова, худенькая болезненная женщина, в эти трагические дни отсутствовала – лечилась от туберкулеза в далеком санатории. Районные власти послали ей телеграмму, составленную в осторожных выражениях...

Супруги, к счастью, были бездетными.

Комната Никодимова если и поражала чем, то лишь аккуратностью и чистотой. Простая самодельно-крестьянская мебель, окрашенная «вохрой», аж блестит – до того вымыта! Помнится, еще моя квартирная хозяйка говорила, что к Никодимовым ходит делать уборку и мыть полы некая Нюрка, санитарка больницы.

В шкафу скромная одежда, белье, охотничьи принадлежности.

В единственном ящике стола, покрытого чистейшей скатертью, разная мужская мелочь, замки ружья и – обе пружины – поломаны. Само ружье с отвинченными замками стоит в углу за койкой.

Мы с Дьяконовым переглянулись: вот почему река, а не пуля!

Внимание привлекла выпуклость скатерти на столе. Подняв скатерть, увидели толстую тетрадь, сшитую из нескольких школьных.

Единственная запись в тетради – незаконченное стихотворение.

Жизнь моя – измученная кляча...
Приведенная в обдирный двор.
Что же... Я спокоен. Я не плачу,
Собственный встречая приговор...
Знаю я, что солнце не потухнет,
Петь в лесу не перестанет соловей,
Если...

Здесь стихотворение обрывалось, и конец страницы был наискосок разорван широкой чертой острого пера. Сломанное перо торчало в ученической ручке, валявшейся под столом...

– Черт, как воняет! – поморщился Виктор Павлович. – И лекарством каким-то пахнет и особенно... Чувствуешь? Керосином...

Действительно, в комнате пахло керосином.

– Наверное, пролили... Ну, давай посмотрим постель.

На постели не было ничего интересного.

– Ни-че-го!.. – вслух сказал я.

– А знаешь, керосином-то пахнет от матраца, – отозвался Дьяконов. – Клопов выводили... Ну, попробуем поговорить с хозяйкой...

Но расспросы квартирохозяйки Никодимова остались безуспешными. Девяностолетняя без малого, полуглухая, полуслепая старуха ничего не могла сообразить и только сама спрашивала:

– А што, батюшка, што Аркаша-то шкоро вернешя? Фатеру-то как, батюшка? Иде же Аркаша? Заарештовали вы ево, што ли?

Дьяконов смеялся, а я напрасно старался объяснить:

– Не вернется твой постоялец!.. Самоубийством он покончил. Самоубийца, утопился квартирант твой, бабка...

Бабка отвечала:

– И шибко убился, болезный? Шходить бы проведать, да ноги не ходють...

– Утопился, говорю! – кричал я в ухо старухе.

Наконец, уяснив смысл происшедшего, старуха удовлетворенно и спокойно заявила:

– Шпомнила! Бабы-прачки яво утопили... Фекла Прокудкина, штерва... Бешпременно Фекла... Путался с ей Аркаша...

– Новая версия, – сквозь смех сказал Дьяконов. – Держись, следовательно! Вон как дело повертывается!

Пришло время засмеяться и мне: Фекле Павловне Прокудкиной, свидетельнице происшествия, больничной прачке, было за шестьдесят...

Дав эту целевую установку, старуха замолчала. Только губы беззвучно шевелились, словно перемалывали жвачку...

– Черт поberi! – ругнулся Дьяконов, когда мы вышли из пропахшей керосином комнаты на воздух. – Хоть бы записку оставил!

– А стихотворение? Мало тебе этого? Что, ты не встречал людей, разочарованных жизнью?

– Ну ладно, пойдем-ка на берег, узнаем: как там с поисками тела...

Трупа все еще не нашли, хотя плавали уже пять лодок и багорчики тянули по дну реки самодельный трал. Работать было очень трудно: весенняя река буйствовала и несла много лесоплавника.

На третий день утром Игорь протянул мне запечатанный сургучом конверт из свежей почты. Это было... письмо Аркадия Ильича.

Он писал:

«Знаю, что доставлю вам много хлопот и вы, с присущей вам добросовестностью в работе, будете долго доискиваться причину, толкнувшую меня на добровольную смерть. Вот поэтому я и пишу. Хочу рассказать вам все, всю правду. Я – сифилитик...

Понимаете? Си-фи-ли-тик. Отверженный. Это открытие я сделал совсем недавно, хотя предполагал о болезни еще несколько лет назад. Над нашей семьей тяготеет проклятие: наследственный сифилис. И вот когда мне уже перевалило за тридцать и я полузабыл об этом большом несчастье, началом которого обязаны мы, Никодимовы, прадеду Ивану – попу-расстриге, пьянице и развратнику – несчастье свалилось на голову!

Выехал в город, показался врачу Лейбовичу. Тот меня успокаивал, убеждал подождать с выводами. Но я видел по его лицу, что лжет.

Да и кому лучше знать, как не мне? Не хочу гнить заживо! Лучшие уж – одним разом! Я и в государственную больницу ходил. Там то же: успокаивали, словно ребенка. А язва говорила: пора кончать! Прощайте. Не трудитесь слишком много над трупом человека, покаравшего самого себя за грехи предка, которого я никогда не знал и не видал, даже на фотографии».

На этом письмо кончалось, но за подписью шел постскриптум:

«Об одном прошу вас: пусть никто никогда не узнает об этом письме, кроме властей. Жена моя здорова – я всегда оберегал ее от этого ужаса. Она ничего не знает и пусть никогда не узнает. Хватит с нее и чахотки. Похороните мое тело где-нибудь подальше.

Аркадий Никодимов».

Взволнованный, я прочитал письмо дважды... И так – тайна раскрылась. Но дело все равно надо доводить до конца. Не разыскан труп. Надо допросить врачей. Нужно ехать в город...

Частно практикующий врач Лейбович показал, что Никодимов действительно обращался к нему незадолго до самоубийства.

Врач собственноручно написал в протоколе допроса: «Утверждать, что язва была безусловно люэтического характера, я не берусь, не будучи венерологом. Во всяком случае, требовались длительная проверка и исследование крови, но больной был в отчаянии и утверждал, что у него наследственный сифилис. Успокоить его я не смог, и он ушел в возбужденном состоянии, а больше на приемах не появлялся».

Государственная больница выдала справку:

«Никодимов А.И. обращался в больницу в венерологический кабинет по поводу подозрения на сифилис. Имелась язва в правом паху. Данные анамнеза: наследственный люэс. Направлен на РВ, но в лабораторию не явился и в больницу больше не приходил».

Врач-венеролог заявил:

– Помню, помню... у него была огромная и странная язва в паховой области. Сильно запущенная. Диагностировать сифилис я, конечно, без реакции Вассермана не мог. Но больной исчез из поля зрения, а взять его на учет без твердой уверенности в люэсе больница не имела права.

Я спросил:

– Так вы не уверены в сифилисе?

– Видите ли, на определенных этапах развития этой болезни внешние проявления ее часто носят несколько неожиданный характер...

– Простите, доктор: мне просто нужно знать – был у этого вашего пациента сифилис или что-либо другое?

Врач обиделся.

– Странные вы люди, товарищи юристы! Всегда у вас какая-то категоричность! Ну а если я вас спрошу: можно ли по наружному виду трупа человека, умершего от яда, сразу определить, что здесь – убийство или самоубийство?

– Нет, разумеется...

– Ну слава богу! Так чего же вы от меня требуете? Вспоминаю еще, что у этого больного была подозрительная краснота на спине и в полости горла... И вообще какой-то очень неопрятный человек! Воняло от него потом, керосином, еще чем-то!.. Очень, очень неопрятный товарищ!

Когда я вернулся из города, Игорь ошеломил меня еще в дверях:

– Никодимова нашли! Вот, читайте!

Труп Никодимова обнаружили далеко, в другой сибирской реке на месте слияния с нашим Каргасом.

Милиция прислала сообщение:

*«Нами обнаружен утопленник, похожий на приметы, разосланные вами. Мужчина средних лет. Труп сильно обезображен рыбами и плавником. Лицо деформировано. Конечности уже перешли в состояние жировоска... Цвет волос – темный шатен, как вы пишете, и волосы длинные. Усов и бороды нет. Поскольку у нас и в соседних РУМах нет заявлений об утопленниках, полагаем, что обнаруженный нами есть утонувший гражданин Никодимов А. И.
Начальник РАО Григорьев
Уполномоченный УГРО Васильцев»*

– Заготовить постановление о прекращении дела за отсутствием состава преступления? – спросил Игорь.

– Постановление? Нет, подожди... Пиши телеграмму:

Корсакова РУМ Григорьеву срочно есть ли трупе язва паховой области также немедленно шлите одежду трупа посылкой.

– Да, вот еще вам телеграмма из Абастумана:

Положение Никодимовой безнадежное выехать не может смерти мужа не сообщили главврач Тихонов.

– Ну что ж поделать? Отправляйся на почту, а мне давай всю корреспонденцию и газеты.

Тысяча девятьсот двадцать восьмой год...

Гибнет экспедиция Нобиле. Ледокол «Красин» спасает «Гордость Италии». Растет Днепрогэс. Строятся другие гиганты индустрии. Колхозная сеть – все крепче. Середняк примеривается и взвешивает «чо к чему», его все больше «тянет» к коллективу.

Но... За границей лорды и магнаты капитала мечут громы и молнии против Страны Советов. А дома «правые» путаются под ногами партии, выдвигают свои «тезисы», пытаются тащить страну от гигантов к ситчику... В деревне кулак все чаще лезет на сеновал за обрезаем...

Ну а теперь официальная почта. Начнем с этого пакета с семью замками, то бишь с пятью печатями и грифом: «“Секретно”, серия А».

«В связи с резким поднятием уровня народного хозяйства, курсом на ликвидацию частновладельческого капитала, принудительным сокращением нэпманского торгового оборота и наступлением на кулака в сельской периферии отмечается оживление классово враждебных элементов, повсеместно оказывающих упорное сопротивление. По краю зарегистрирован ряд террористических актов, направленных на совпартактив и маскируемых бытовыми обстоятельствами и обстановкой. Предлагается: при расследовании дел об убийствах самым тщательным образом изучать мотивы убийств, классовое лицо преступника и жертвы. При первых признаках политических мотивов убийства – квалифицировать преступления не по ст. ст. 136 и 137, а по ст. 58–8 УК РСФСР. Мерой пресечения избирать содержание под стражей с особо-строгой изоляцией. О всех подобных делах немедленно докладывать в округ и всю работу контактировать с уполномоченным ОГПУ...»

Прочитав, я пошел к Дьяконову.

– Здорово, Палыч! Получил циркуляр?

– Получил... А что, интересный?

– Таких еще не было...

– А нам, собственно говоря, не очень и нужно!.. Он у нас и в сердце, и в партбилете давно отпечатан.

– Но все же! Я к тебе насчет дела Воеводина, ну это убийство из ревности... Убитая-то – член сельсовета, делегатка... А муженек, сам знаешь – того! Как думаешь?

– Ничего он не «того»! Квалифицируй по сто тридцать седьмой. Допроси этого сукиного сына Козырева, которого Воеводин ранил... Он выздоравливает, к сожалению, кулацкий донжуан! Самая пошлая драма на почве ревности, и никакой тут политики нет! А что Воеводин пьет или, вернее, пил до убийства без просыпа – это уродство, конечно, но еще не... словом, понимаешь?.. Проснулись в человеке дикие инстинкты – и убил. Ну убил и – получай по заслугам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.